

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. В. П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В. П. Астафьева)

Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

Арепьева Полина Викторовна
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
СПОСОБЫ И ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ
ГРАМОТНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ТЕКСТОВ И.А. БУНИНА «КАВКАЗ» И «ДЕЛО КОРНЕТА
ЕЛАГИНА»)

Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)
Направленность (профиль) образовательной программы
Русский язык и литература

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

И.о. завкафедрой к.ф.н., доцент Н.А. Бурмакина

Научный руководитель
доцент, кандидат филол. наук Н. А. Бурмакина

(дата, подпись)

Дата защиты: 24.06.2023

Обучающийся Арепьева П. В.

(дата, подпись)

Оценка _____

(прописью)

Красноярск
2023

Содержание:

Введение	3
Глава 1. Читательская грамотность и способы ее формирования	6
1.1 Понятие «читательская грамотность»	6
1.2. Приемы и способы, направленные на формирование читательской грамотности	10
Глава 2. Художественный текст как объект психолингвистического анализа	16
2.1. Понятие о психолингвистическом анализе	16
2.2. «Печальный» текст как тип художественного текста	18
2.3. Психолингвистические особенности «печальных» текстов	21
Глава 3. Переработанные приемы и задания для формирования читательской грамотности	24
3.1. Задания на формирование читательской грамотности на материале психолингвистического анализа рассказа И.А. Бунина «Кавказ»	24
3.2. Задания на формирование читательской грамотности на материале психолингвистического анализа рассказа И.А. Бунина «Дело корнета Елагина»	30
Раздел 4. Методическая часть	37
4.1. Апробация приемов на уроке развития речи в 6 классе	37
4.2. Конспект урока по формированию читательской грамотности (на материале психолингвистического анализа произведения И.А. Бунина «Дело корнета Елагина»)	42
Заключение	47
Список использованной литературы	50
Приложение	54

Введение

Читательская грамотность — способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни [Цукерман, 2010].

В современном мире качественное чтение способствует личностному росту и конкурентоспособности человека, живущего в информационно-культурной среде. Основная проблема в образовании — низкий уровень культуры чтения. Поэтому формирование читательской грамотности приобретает большое значение для образования и государства.

Современная школа должна ставить перед собой задачу воспитать динамичную личность, которая будет способна к самообразованию, творческому мышлению и применению знаний. Читательская грамотность — важная составляющая такой личности. Следовательно, перед школой возникает еще одна задача — побудить интерес к осмысленному чтению текста, что является средством формирования и развития личности.

Способы и приемы, направленные на формирование у детей читательской грамотности, должны помогать учиться вдумчиво читать текст, его интерпретировать и находить в ответы, на поставленные вопросы. Психолингвистический анализ текста может быть полезным материалом для разработки заданий по формированию читательской грамотности.

Психолингвистика, являясь наукой о производстве и восприятии речи, ориентирована преимущественно на исследование того, как речевой материал воспринимается "рядовым" носителем языка, какие образы формируются в его сознании [Белянин, 2000, с.1]. За языком стоит не только система языка, но и психология. Каждый языковой элемент обусловлен не только лингвистическими, но и психологическими закономерностями.

Психолингвистический анализ представляет собой анализ лексических единиц и семантических комплексов. Он помогает проанализировать не

только текст, но и саму личность, автора. Такой подход к анализу текста может быть очень интерес в школе. Подойти к тексту как феномену речевой деятельности человека через систему языка.

Таким образом, задания, направленные на формирование читательской грамотности на материале психолингвистического анализа, помогут детям научиться прочитывать текст, выявляя в нем семантические комплексы, анализировать лексические единицы и делать вывод о психотипе героев. Дети сформируют навыки в интерпретации текста.

С учётом вышесказанного, **актуальность данной работы** заключается в предоставлении ряда приемов и заданий для формирования читательской грамотности на материале психолингвистического анализа.

Целью выпускной квалификационной работы является представить ряд приемов и способов для формирования читательской грамотности на материале психолингвистического анализа текстов И.А. Бунина «Кавказ» и «Дело корнета Елагина». Реализация данной цели обеспечивается достижением следующих **задач**:

- изучить литературу, представляющую теоретические основы о читательской грамотности;
- изучить подходы к определению психолингвистики и психолингвистического анализа;
- ознакомиться со способами и приемами формирования читательской грамотности;
- переработать способы и приемы для психолингвистического анализа текстов в классе, способствующие формированию читательской грамотности.

Объектом данного исследования является языковые единицы, тексты И.А. Бунина «Кавказ» и «Дело корнета Елагина» в аспекте психолингвистического анализа.

Предметом данной работы являются способы и приемы формирования читательской грамотности.

Методологическая база: Методический сборник материалов О.М. Дьячковой, О.Н. Осинной «Развитие читательской грамотности на уроках русского языка и литературы» [Дьячкова, Осина, 2021], труды В.П. Белянина «Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе)» [Белянин, 2000] и «Психолингвистические аспекты художественного текста» [Белянин, 1988].

Источники исследования: тексты И. А. Бунина «Кавказ», «Дело корнета Елагина».

Методами данной работы являются научное описание, обобщение, сопоставительный анализ и психолингвистический анализ текстов.

Научная новизна состоит в том, что предложить переработанные способы и приемы (задания) для формирования читательской грамотности на материале психолингвистического анализа.

Теоретическая значимость состоит в том, что впервые сделана попытка представить приемы и способы формирования читательской грамотности на уроках русского языка на материале психолингвистического анализа.

Практическая значимость исследования состоит в использовании описанного материала учителем-словесником для уроков развития речи в среднем звене школы, для более продуктивного и успешного анализа произведения, а также студентами филологического направления при подготовке к занятию по методике и психолингвистике.

Данная работа **апробирована** на «Научно-практической конференции с международным участием «Лингвистика и медицина в контексте педагогического образования»» (29.03.2023 г.) и на «XII научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности и культуры» (24.05.2023).

Структура исследования включает введение, четыре главы (теоретические, практическая и методическая части), заключение, список используемой литературы, приложение.

Глава 1. Читательская грамотность и способы ее формирования.

1.1 Понятие «читательская грамотность»

Понятие «читательская грамотность» возникло в 1991г. в исследованиях PISA дается следующее определение: «читательская грамотность — способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни» [Чудинова, 2002].

Термин «читательская грамотность» в России появился в 2000-х годах, когда образовательные учреждения первый раз приняли участия в международных программах по оценке достижений учащихся PISA (Programme for International Student Assessment) и RILS (Progress in International Reading Literacy Study). На данный момент читательская грамотность подразумевает практические умения работы с текстом – понимать, анализировать прочитанное, применять информацию для решения поставленных задач. То есть, информация, которая была получена из текста, должна быть правильно прочитана и понята.

Читательская грамотность – это способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни [Анисимова, 2013]. Она, безусловно, является актуальной темой для рассмотрения, так как с текстом человек встречается в абсолютном большинстве сфер жизнедеятельности.

Читательская грамотность – один из разделов функциональной грамотности. Функциональная грамотность – способность применять знания, полученные в школе, для решения разных задач. Она подразумевает:

1. Поиск и извлечение информации;
2. Осмысление прочитанного текста, его оценка, критически проанализировать информацию, содержащуюся в нем;

3. Использование полученной информации для решения любых задач – учебных, практических, жизненных;
4. Умение делать по информации соответствующие выводы.

Работа по читательской грамотности опирается на умение извлекать дополнительную информацию, делать выводы, определять авторскую позицию, мысли, то есть интерпретировать прочитанный текст [Анисимова, 2013].

Т. Д. Полозова утверждает, что в средней ступени образования, необходимо начинать усложнять работу с текстом. Дети должны развивать навыки самостоятельного чтения и понимания текста. Если учитель как можно раньше начнет работу по формированию читательской грамотности, то она легче получит свое развитие в старших классах.

Результаты овладения чтением должны быть представлены несколькими характеристиками, которые основываются на:

1. Содержании (типах текста);
2. Проверяемых видах деятельности;
3. Ситуации, в которых читаются письменные тексты за пределами школы [Полозова, 2008].

В.М. Колосова выделяет, что то, как человек применит информацию, чтобы достичь определенной темы, а не просто поймет смысл прочитанного, указанного в условии, будет определять успешность выполнения заданий. Из этого следует, что чтение является сознательным процессом, и помимо обучения буквальному распознаванию информации из текстов, обучение чтению должно помогать развитию критического и аналитического мышления.

В.М. Колосова выделяет аспекты читательской грамотности:

- 1) понимание (восприятие смысла прочитанного, включая значение слов, и в том числе главную мысль текста);
- 2) использование (применение прочитанной информации для немедленного решения какой-либо цели и задачи);

- 3) рефлексия (интерактивное чтение, в котором читатель создает связи между прочитанной информацией и своими мыслями и опытом);
- 4) вовлеченность (мотивация к чтению)

В мониторинге PISA имеются концепции читательской грамотности и их составляющие: текст (набор и формат читательского материала), аспекты (виды заданий и способность решения их) и ситуации (контексты, для которых создаются те или иные тексты) [Колосова, 2022].

В определение читательской грамотности школьника необходимо включать следующее:

1. Умение работать с текстом: определять структуру текста, его тему, основную идею;
2. Умение извлекать информацию из прочитанного текста и использовать ее;
3. Умение критически воспринимать прочитанный текст (осмысливать, оценивать);
4. Умение анализировать текст (определять, как построены фразы; способность читать «между строк»).

К 6-7 классу должны быть сформированы следующие навыки читательской грамотности: умение отвечать на вопросы по тексту, поставленные в прямой или косвенной форме, на основании текста формулировать простые и сложные суждения, устанавливая связи, не высказанные напрямую автором, и интерпретировать их, соотнося с общей идеей текста [Акулова, 2022].

Читательские действия, связанные с нахождением и извлечением информации из текста, являются основными, базовыми.

Поиск информации – работа с текстом, которая подразумевает поиск ответов на поставленные вопросы в фрагментах текста. Это может быть работа с содержанием или гиперссылками (цифровой текст). Ученик должен формировать навыки ориентировки в тексте, находить из множества страниц части, которые требуются для ответа. Это возможно, если после просмотра

текста уметь выделять нужные фрагменты (части) для последующей работы [Алюкова, 2021].

Извлечение информации – отбор конкретной информации из текста для решения последующих задач. Через задаваемый вопрос или поставленную цель, ученики должны уметь соотнести информацию из них с текстом и выделить только нужное для работы. Они должны формировать навыки вычленять информацию как прямую, так и эксплицитно указанную [Алюкова, 2021].

Интерпретация – извлечение из текста информации, которая не указана на прямую. Осмыслить и переработать информацию, выявить подтекст, которые не указан явно.

Интеграция или связывание отдельных сообщений текста. Ученик должен уметь связывать между собой разные фрагменты и части текста. Эта работа поможет выявить сходства и различия, сформируются умения сопоставления текстов между собой. Это делается для общего понимания текста, или ответа на поставленные цели и задачи [Алюкова, 2022].

Важно так же и истолковать, и связать информацию. Новый акт толкования более крупной единицы инициирует объединение единиц текста в целое, а та в свою очередь ждет связи с другими единицами текста. На основании этого ученик может глубже понять текст. В свою очередь вопросы, которые помогут определить понимание, требуют логики. [Алюкова, 2022].

Важны так же и умения читателя осмыслить и оценить текст. Сделать это можно посредством собственного опыта или изученной исходной информации. Внетекстовые связи так же важны. Для этого читателю нужно владеть специальными знаниями и умением мыслить абстрактно [Алюкова, 2022].

Читатель должен уметь посмотреть на текст со всех сторон, подойти к нему объективно и высказаться по поводу формы в целом и уместности его отдельных элементов для реализации авторского замысла, чтобы осмыслить и оценить форму текста. При оценке, насколько авторское высказывание

убедительны, важно обращать внимание не только на главные характеристики текста, но и на детали [Алюкова, 2022].

Читательские действия, связанные с использованием информации из текста

Эта группа читательских действий предполагает умение читателя применять информацию, представленную в тексте для решения различных учебно-познавательных и учебно-практических задач. Кроме того, данная группа предполагает активную работу читателя по прогнозированию событий, дальнейшего развития процесса, последующих результатов эксперимента на основе информации текста [Алюкова, 2022].

1.2. Приемы и способы,

направленные на формирование читательской грамотности

Работа, способствующая формированию читательской грамотности, необходима на уроках русского языка в средней школе. Первоначально она должна осуществляться на уроках развития речи, где у учащихся есть возможность познакомиться с текстом, проанализировать язык художественного произведения, научиться определять идею текста, структурные части произведения, познакомиться с характеристикой персонажей, дать собственную оценку происходящему и др. Это может быть объединено в рамках основных направлений работы по формированию читательской грамотности: интеграция, интерпретация, осмысление, оценка информации [Акулова, 2022].

К.Д. Акулова отмечает, что нужно говорить о чтении не только как о процессе получения эстетического удовольствия, но и рассматривать чтение, как процесс получения информации для ее использования в решении разных задач. Она выделяет следующие задачи для развития читательской грамотности:

- научить интегрировать и интерпретировать информацию;
- развивать умение производить синтез и обобщение информации;

- работать над толкованием, пониманием и осмыслением информации;
- научить обрабатывать, осваивать и анализировать информацию [Акулова, 2022].

Работа по развитию читательской грамотности должна вестись на каждой ступени обучения. Ее нельзя сформировать быстро, это долгая и кропотливая работа на каждом уроке. Поэтому учитель должен учитывать основные принципы для работы над формированием читательской грамотностью:

- Реализация принципа непрерывности формирования читательской грамотности «всегда, везде, во всём»
- Использование различных типов текстов и различных источников [Камзеева].

Основываясь на этих принципах, учитель должен выстраивать работу с текстом, предоставляя задания и приемы, которые сформируют, а в последующем разовьют, следующие читательские умения:

I. Находить и извлекать информацию:

- Определять место, где содержится искомая информация (фрагмент текста, гиперссылка и т.д.)
- Находить и извлекать одну единицу информации
- Находить и извлекать несколько единиц информации, расположенных в одном фрагменте текста
- Находить и извлекать несколько единиц информации, расположенных в разных фрагментах текста
- Находить и извлекать несколько единиц информации, расположенных в разных текстах
- Определять наличие/отсутствие информации [Камзеева].

II. Интегрировать и интерпретировать информацию:

- Понимать фактологическую информацию (сюжет, последовательность событий) и смысловую структуру текста (определять тему, главную мысль/идею текста)
- Понимать на основе контекста значение неизвестного слова или выражения
- Устанавливать связи между событиями или утверждениями (причинно-следственные отношения, аргумент – контраргумент и др.)
- Понимать графическую информацию и соотносить графическую и вербальную информацию
- Делать выводы на основе информации/на основе сравнения данных
- Понимать чувства, характеры героев; понимать авторскую позицию по отношению к обсуждаемой проблеме [Камзеева].

III. Оценивать содержание информации:

- Оценивать содержание текста или его элементов (примеров, иллюстраций) относительно целей автора
- Оценивать форму текста (структуру, стиль и т.д.), целесообразность использованных автором приемов
- Оценивать полноту, достоверность информации; оценивать объективность, надежность источника информации
- Обнаруживать противоречия, содержащиеся в тексте
- Высказывать и обосновывать собственную точку зрения по вопросу, обсуждаемому в тексте
- Устанавливать взаимосвязи между элементами/частями текста [Камзеева].

IV. Применять информацию

- Использовать информацию из текста для решения практической задачи
- Формулировать на основе полученной информации собственную гипотезу, прогнозировать события, течение процесса, результаты эксперимента и др.

- Предлагать интерпретацию нового явления, принадлежащего к тому же классу явлений, который обсуждается в тексте
- Выявлять связь между прочитанным и современной реальностью [Камзеева].

При работе над формированием читательской грамотности следует выбирать приемы, характерные для разных этапов:

I. Прием работы с текстом, используемые для просмотрового чтения:

- Проанализировать подзаголовки, а так же спрогнозировать тему текста;
- Сделать анализ подзаголовков, если они присутствуют в тексте;
- Познакомиться со структурой текста;
- Посмотреть первый, а так же последний абзац читаемого текста;
- Знакомство с оглавлением.

II. Приемы работы с текстом для ознакомительного чтения:

- Читать текст по абзацам;
- Выделять важную информацию. Определять главное по ходу чтения текста;
- Расстанавливать графические знаки;

III. Приемы работы с текстом для изучающего чтения:

- Выделять смысловые части текста в ходе чтения;
- Заменять смысловые части эквивалентами;
- Выделять детали, подтекстовую информацию из текста;
- Определять принадлежность текста к конкретному функциональному стилю;
- Составлять вопросы проблемного характера во время чтения и после его прочтения;
- Составлять план или графические схемы, благодаря которым можно будет выявить структуру текста и взаимосвязь отдельных частей;
- Переработать текст, создавая новые тексты на основе прочитанного;

- Составлять комментарии – заключительный этап работы над текстом для изучающего чтения [Крылова, 2016].

Формирование читательской грамотности возможно с помощью различных приемов и методов, которые могут быть использованы на материале психолингвистического анализа произведений.

Психолингвистический анализ может быть полезным инструментом для формирования читательской грамотности у учащихся средней школы. Он представляет собой анализ языковых единиц в тексте, интерпретацию их значений.

Для детей психолингвистический анализ может помочь им лучше понимать, как происходит процесс чтения и как различные элементы языка (например: звуки, буквы, слова) связаны друг с другом. Это поспособствует для понимания текстов и усиления их способностей к самостоятельному чтению.

Для учащихся работа с психолингвистическим анализом может помочь улучшить их критическое мышление и аналитические способности. Он может помочь читателям лучше понимать содержание текстов и анализировать языковые элементы, такие как: структура предложений, использование языка и лексические особенности. Это в свою очередь может помочь им развить свои навыки в анализе текстов и в их понимании, в работе с лексикой и выразительными средствами произведения.

Предложенные способы и приемы учителями русского языка и литературы, в частности О.М. Дьячкова и О.Н. Осина, могут быть переработаны под работу на уроке с целью формирования читательской грамотности и выявления особенностей «печального» типа текста на материале психолингвистического анализа произведений И.А. Бунина:

- Прием – «чтение с остановками»;
- Прием – «найди верный ответ»;
- Приём – «тонкий и толстый вопрос»;
- Прием – «кластер»;

- Задания на работу с текстом;
- Задание на интерпретацию и интеграцию информации;
- Задания на поиск;
- Задание на применение умений [Дьячкова, Осина, 2021].

Вывод по первой главе:

Читательская грамотность формирует умения понимать и анализировать тексты, оценивать их содержание и стиль, и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни.

У детей должны быть сформированы базовые читательские умения: поиск информации, ее интерпретация, оценка и применение. Для ее развития и формирования должны применяться способы и приемы, направленные на помощь в работе с текстом. Учащиеся должны строить собственные гипотезы в процессе чтения, уметь обобщать полученную информацию.

Школьники на уроках русского языка должны сформировать умения работы с текстом, с его структурой, лексикой. Ученики должны уметь высказывать свое мнение, которое опирается на текст и их личное мнение. Обосновывать и доказывать свою точку зрения по теме в тексте.

Глава 2. Художественный текст как объект психолингвистического анализа

2.1 Понятие о психолингвистическом анализе

В предыдущем разделе мы рассмотрели понятие читательской грамотности и приёмы её формирования на уроках русского языка. Сделали вывод, что способы и приемы, направленные на ее формирование, могут быть разные, но обязательно должны выполнять определенные задачи. Их можно попытаться решить на примере заданий, которые направленные на формирование читательской грамотности на материале психолингвистического анализа текстов. Но для начала, следует понять, что такое психолингвистика и психолингвистический анализ.

Психолингвистика входит в ряд молодых наук. Она сочетает в своем понятии психологию и лингвистику, тем самым она является неким общим этих двух наук. А.А. Леонтьев писал: «В первое время существования психолингвистики в нашей стране ее часто рассматривали как область знания, лежащую «на стыке» психологии и лингвистики (языкознания): как бы отчасти психологию, отчасти лингвистику - своего рода гибрид той и другой» [Леонтьев, 1997].

В.П. Белянин говоря о психолингвистике отмечает, что, рассматривая производство речи, психолингвистика описывает, как, языковая система и правила построения речи позволяют человеку выражать свои мысли, как образы сознания фиксируются с помощью языковых знаков. Описывая процесс восприятия речи, психолингвистика анализирует не только сам этот процесс, но и результат понимания человеком речи [Белянин, 2004: 2].

Язык и система языковых знаков являются объектом психолингвистики. Предметом лингвистики являются языковые средства, используемые в коммуникации. Психолингвистику интересует процесс функционирования знаковой системы, а именно, процесс создания и восприятия знаков языка людьми.

В этой же работе Валерий Павлович цитировал определение А.А. Леонтьева «Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой» (цит. по [Леонтьев, 1997]) [Белянин, 2004: 4]. Это определение психолингвистики поддерживают большинство отечественных ученых.

О.И Уланович определяет психолингвистику как науку, изучающую язык и интеллект. В узком понимании, психолингвистика – это наука, описывающая и объясняющая функционирование языка как психического феномена при обязательном включении индивида (носителя языка) в социокультурное взаимодействие. Объектом психолингвистики выступает человек. Предмет – вербальная организация и вербальное поведение человека [Уланович, 2010].

Психолингвистика, по мнению И.Н. Горелова и К.Ф. Седова, составляет ядро антропоцентрического направления в лингвистике. То есть, объектом психолингвистики является языковая личность. У разных дисциплин, составивших антропологическое языкознание (социолингвистика, лингвистика детской речи (онтолингвистика) и лингвистика текста, этнолингвистика и мн. др.), общий объект, но каждая из упоминаемых молодых наук содержит свой предмет изучения. Предмет психолингвистики – языковая личность, которая рассматривается в индивидуально-психологическом аспекте [Горелов, Седов, 2001].

Таким образом, психолингвистика представляется как наука, изучающая человека, личность через его речь, используемые языковые средства и вербальное поведение.

О.Ю. Щибря в своей статье говорит, что «одной из актуальных проблем в психолингвистике остается проблема адекватного восприятия и понимания художественного текста. Научное изложение способов, с помощью которых люди общаются и взаимодействуют друг с другом при помощи языка, возможно только в межотраслевом сотрудничестве между лингвистикой и

другими науками, в частности в психологических. Психолингвистика исследует связь между языковым поведением, языковым применением и психическими познавательными процессами (воспоминаниями, пониманием), которые лежат в основе этих процессов» [Щибря, 2011].

2.2. «Печальный» текст как тип художественного текста

Психолингвистика совмещает в себе психологию и лингвистику. Предметом лингвистического анализа текста являются языковые средства, используемые в тексте. Психолингвистический анализ основывается на анализе языковых единиц, которые помогут сделать вывод о психотипе автора или персонажа.

Г.М. Нуруллина утверждает, что текстовая (речемыслеительная) деятельность представляет собой структуру, которая включает в себя: автора (адресанта текста), читателя (адресата), отображаемую действительность, знания о которой передаются в тексте, и языковая система, из которой автор выбирает языковые средства, позволяющие ему воплотить свой творческий замысел. В психолингвистическом подходе к тексту важно понятие «восприятие текста», объясняемое как акт познания, переживания и творчества [Нуруллина, 2018].

Художественный текст также связан и с пониманием его читателем. Психолингвистика исследует как речь воспринимается носителем языка, какие образы формирует в его сознании.

Валерий Павлович считает, что психолингвистический анализ выявляет у каждого типа текста соответствующие ему темы и определенные сюжетные построения. В рамках каждого типа текста можно выделить ограниченный список семантических комплектов, которыми характеризуются выбранные объекты материального, социального, ментального и эмоционального мира человека. Этим предикатам соответствуют наборы лексических элементов, которые в текстах одного типа встречаются наиболее часто, а в текстах других типов, входя в другие семантические пространства, имеют иные смыслы.

В каждом художественном тексте есть своя эмоционально-смысловая доминанта. «Под эмоционально-смысловой доминантой понимается система когнитивных и эмотивных эталонов характерных для определенного типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в тексте», считает В.П. Белянин. Эмоционально-смысловая доминанта, на его взгляд, выступает основанием для строгой и в то же время вполне операциональной типологизации художественных текстов. В его работе были выделены типы текстов, которые получили следующие названия: «светлый», «активный», «темный», «печальный», «веселый», «красивый», «сложный». В.П. Белянин утверждает, что не все тексты художественной литературы могут вписываться в эту типологию, а есть и такие, как «смешанные», то есть могут нести в себе несколько доминант. Такая типология дает возможность углубить имеющиеся представления о структуре текста и его семантике, о психологии автора и читателя [Белянин, 2000].

Печальные тексты не имеют сложной структуры. Текст может предупреждать читателя о том, что все описываемое произошло в годы юности. Либо упоминание этого может быть дано в конце повествования. Идея того, что все преходяще, буквально пронизывает печальные тексты. Воспоминания о прекрасных, теплых для героя днях могут возникать после случайной встречи или же наплывать хорошим сном.

«Герой печального текста – личность, которая вызывает жалость, но не унижающую, а добрую... Довольно часто в печальных текстах герой лишается всего, в том числе и средств к существованию» [Белянин, 1988: 70].

В «печальных» текстах герой делится на два типа. Он может быть либо молод, полон надежд, но он умрет. Либо же он стар и беден и вспоминает какие-то моменты своей молодости. Для «печального» текста важна выраженная идея того, что нужно дорожить каждым прожитым днем, любить жизнь несмотря на то, что она тяжела и изнурительна. Смерть представляет собой то, что избавляет героя от страданий.

«Для героя «печального» текста все в прошлом, которое прекрасно. Но в прошлом сделано много ошибок и поэтому в настоящем – страдания и чувство вины за прошлое. В будущем – одиночество, холод и смерть» [Белянин, 2000].

Автор «печального» текста на протяжении всего произведения словно просит посочувствовать своему герою, войти в его положение.

Для «печальных» текстов характерна *депрессивная акцентуация*. Говоря о ней Белянин ссылается на работу П.Б. Ганнушкина «Особенности эмоционально-волевой сферы при психопатиях» [Ганнушкин, 1984]. Валерий Павлович пишет, что «Ганнушкин называет людей, подверженных депрессии, «конституционально-депрессивными» личностями». Здесь говорится о лицах с постоянно пониженным настроением. Для таких людей жизнь бессмысленна, во всем пытаются видеть только мрачные стороны. Для депрессивной личности проблемы кажутся столь неразрешимыми, и такой человек всегда готов к худшему исходу. В.П. Белянин цитирует и мысль о том, что такие люди «никак не могут отделаться от уверенности в своей собственной виновности, окрашивающей для них чрезвычайно тяжелым чувством воспоминания о самых обычных поступках юности. Это заставляет их сторониться других людей, замыкаться в себе. Иной раз они настолько погружаются в свои самобичевания, что совсем перестают интересоваться окружающей действительностью, делаются к ней равнодушными и безразличными. Вечно угрюмые, мрачные, недовольные и малоразговорчивые, они невольно отталкивают от себя даже сочувствующих им лиц» [Белянин, 2000].

Депрессивная личность обладает и такой особенностью, как скрывать свое угнетенное состояние за улыбкой. Они могут шутить, но юмор будет являться черным, печальным.

Утомляются от общения, шума и разговоров. Пребывают в состоянии, когда хочется побыть одним в тишине и спокойствии. «В межличностном поведении депрессивная личность характеризуется пассивностью – она редко

вступает в контакт первой, и в споре такой человек готов уступить другому, лишь бы не портить с ним отношения» [Белянин, 2000].

Валерий Павлович подводит такой итог: «Итак, мягкость, спокойствие, приветливость, чуткость и доброе отношение к людям – с одной стороны. И пессимизм, неуверенность в себе, склонность к чувству вины – с другой. Это и есть основа амбивалентной (конфликтной в данном случае только внутренне) установки личности с депрессивной акцентуацией» [Белянин, 2000].

2.3. Психолингвистические особенности «печальных» текстов

В.П. Белянин пишет, что «психостилистический подход к тексту предполагает, что семантические классы слов, несущие эмоциональную образность, расположены не в соответствии с их упорядоченностью в системе языка и отнюдь не в соответствии с научной картиной мира. Их наличие, соположенность и противопоставленность определяются системой «конструктов личности», своеобразным по семантике мироощущением, которое, в свою очередь, обусловлено типом акцентуации личности» [Белянин, 2000].

Валерий Петрович выделяет структуру эмоционально-смысловой доминанты «печальных» текстов, в которой ключевую роль играют следующие семантические комплексы: возраст (юность/радость), богатство/нищета, радость/печаль, жизнь/смерть, сожаление, подчиненность, немота, тяжесть, вдох, приятный запах. И про каждый комплекс раскрывает более подробно.

Под *возрастом* в «печальном» тексте подразумевается, что герой, как правило, молод или вспоминает о своей молодости, когда он был силен, красив, жизнедеятелен. При описании прошлого дается некоторая его идеализация, что также связано с психологической доминантой – депрессивностью.

Говоря о *смерти*, часто понимается смерть главных героев, либо их игра с ней. В «печальном» тексте и обнищание, и трудности, и смерть неизбежны. Все *фатально предрешено*. Герой "печальных" текстов часто играет со смертью и не сопротивляется обрушивающимся на него бедам.

Одиночество героя «печальных» текстов – это совершенные в молодости ошибки и, оценивание своей жизнь как череду ошибок, неудач и трудностей. Поэтому постоянное ощущение одиночества.

Обнищание. Герой «печальных» текстов нередко беден изначально, или он лишается средств к существованию, нищает по ходу развития сюжета.

Немота. В «печальном» тексте герой чаще всего бывает немым. Крайней формой отказа от общения при депрессии является мутизм как неспособность говорить. Автор словно не дает своему герою сил ни на сопротивление, ни на речевую деятельность.

Холод, слепота, приятный запах также являются неотъемлемой частью семантического комплекса.

Вздых подразумевает под собой желание вздохнуть, нехватка дыхания из-за депрессивного состояния.

Тяжесть в «печальном» тексте обуславливается депрессивным состоянием героя [Белянин, 2000].

В приложении к своей работе В.П. Белянин выделяет некоторые ключевые слова «печального» текста и их реализацию:

- *Грусть*: грустно, тоскливо, печаль, печально, сомнения.
- *Одиночество*: один, сидеть, лежать, молчать, немой; море, океан, остров, звезды; вечность.
- *Доброта*: понимание, любовь, смотреть в глаза, чувствовать родственную душу; добрый, чуткий, внимательный, заботливый.
- *Радость*: счастье, мир; веселье, смех, улыбка, живость, жизнелюбие, жизнерадостность; буря, вихрь, движение, действие, борьба.
- *Молодость*: детство, молодость, юность; душа; глаза, взгляд, губы, приятные запахи, яркий.

- *Старость*: воспоминания, холодно, одиноко; быть забытым, ненужным; нуждаться в заботе; желать смерти.
- *Холод*: холод, прохлада, осень, зима, снег.
- *Тяжесть*: тяжелый, нелегкий, (при)давить, камень, груз.
- *Вздох*: спокойствие, усталость, дышать, дыхание, легко.
- *Смерть*: умереть, уснуть вечным сном, сладко спать (в сырой земле, в могиле); кладбище, плита, камень, могила, труп, мертвец, череп, крест; вечер, ночь, бродить; печальный, тихий, вечность [Белянин, 2000].

Вывод по главе.

Психолингвистика – дисциплина, которая изучает взаимоотношение языка и речи. Предметом лингвистики являются языковые средства, используемые в коммуникации. По мнению В.П. Белянина психолингвистика описывает, мысли и сознание формируется посредством слов (лексических единиц) текста. Выделяя типы текста, он говорит о том, что каждому соответствуем определенные семантические комплексы. Это поможет проанализировать не только лексический уровень текста, но и сделать выводы о психотипе автора. Можно выделить ключевые слова и их реализации в тексте, основываясь на том, какой тип текста мы рассматриваем.

Глава 3. Переработанные приемы и задания для формирования читательской грамотности

3.1. Задания на формирование читательской грамотности на материале психолингвистического анализа рассказа И.А. Бунина «Кавказ»

Цель данной главы – переработать задания и описать приемы, направленные на формирования читательской грамотности, благодаря которым можно будет доказать, что произведения «Кавказ» и «Дело корнета Елагина» относится к печальным текстам.

Для формирования читательской грамотности важнейшим является научить ребенка извлекать нужную информацию из текста. Непосредственно для нашей работы, нужно направить детей на поиск лексических единиц, научить работать с их семантикой и интерпретировать значение слов в текстах.

Перед началом работы, нужно ознакомить детей с понятием психолингвистического анализа и с особенностями «печальных» текстов. Это может быть представлено в презентации, либо на раздаточном материале.

Приём «Чтение с остановками»

Ученики по очереди читают текст по абзацам. После каждого абзаца идет обсуждение на понимание текста: о чем этот абзац? Какую главную мысль можно выделить в нем? Какие слова из текста подтверждают ваши мысли? При обсуждении ученики подчеркивают или обводят в кружок нужные слова, которые доказывают их мысли. Этот прием поможет ознакомиться с текстом и выделить нужные для дальнейшего анализа слова [Пронина, 2021]. Пример: при прочтении первого абзаца рассказа «Кавказ» («Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею. Была она у меня за эти дни всего три раза и каждый раз входила поспешно со словами: — Я только на одну минуту...» [Бунин]) ученики должны обратить внимание на то, что главный герой – мужчина, он живет «затворником» и тайно встречается с женщиной. Здесь важно выделить слова: «*воровски*»; «*незаметных*»; «*затворником*».

Изучив до этого информацию об особенностях «печальных» текстов, дети, благодаря этому приему, смогут в конце урока сделать вывод, что выделенная ими лексика при прочтении может относиться к семантическим комплексам «печальных» текстов.

Прием «Найди верный ответ»

После прочтения текста можно предложить детям задание, где среди правильных ответов будут находить неверные. Опираясь на текст и понимание реализаций лексических единиц в тексте, дети выберут нужные ответы.

Пример: *Найдите вариант ответа, в котором содержатся слова, относящиеся к семантическому комплексу «холод» в рассказе «Кавказ».*

А. «осенние»; «холодные дожди»; «ледяной рукой»

Б. «горячее солнце»; «дожди»; «побережье»

В. «одиноким»; «пахло мылом»; «курганы»

После того, как дети выполняют это задание, и найдут верный ответ, следует спросить к каким семантическим комплексам стоит отнести остальные слова. Тем самым дети смогут аргументировать свои ответы, опираясь на текст и на предложенную им теорию в начале урока.

Найдите верные утверждения:

А. Когда герои находятся на Кавказе, то их не покидает мысль о том, что счастье скоро закончится;

Б. К семантическому комплексу «радость» можно отнести слова: «макро», «грязно», «страх»;

В. Муж главной героини не покончил жизнь самоубийством;

Г. Семантический комплекс «смерть» реализуется в словах: «могильники», «выстрелил», «курганы».

Задания на работу с текстом [Алиева, 2021].

- Объясните значения слов: *курганы, могильники* (пользуясь словарем)

Модель ответа: курганы – это древние могильные холмы, а также вообще небольшая возвышенность [Ожегов]; могильник – это древнее кладбище, место захоронения [Ожегов].

- В каких значениях в тексте употребляются слова: *воровски*; *затворником*?

Модель ответа: воровски: главный герой был скрытен, будто вор, Ожегов дает такое определение слову «как свойственно вора́м, исподтишка и мошеннически» [Ожегов]; затворником: как человек, который живет один, не выходит на контакт с обществом «перен. то же, что отшельник (во 2 знач.)» [Ожегов].

- Какие слова употреблены в переносном значении?

Модель ответа: *замирало* – «все внутри меня замирало от тревоги и холода» [Бунин]; *ледяной* – «ледяной рукой сунул десятирублевую бумажку» [Бунин]; *гробовой* – «гробовой черноте лесов» [Бунин] и т.д.

- Найдите 5 эпитетов. Укажите их роль в произведении.

Модель ответа: «холодные дожди», «отвратительный вечер», «сухое солнце», «пыльная туча», «осенние вечера» - эпитеты придают художественную, поэтическую яркость речи в тексте, выделяют характерные признаки предметов и явлений, а так же характеризуют и передают внутреннее состояние героя-повествователя.

- Действительно ли герои из рассказа имеют депрессивную акцентуацию? Если да, то приведите примеры.

Модель ответа: Главные герои не верят до последнего в свое счастье, что их план может сработать: «*В осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это*» [Бунин]. Герой-повествователь особенно сомневается в этом, когда ждет героиню в вагоне: «*Я смотрел все напряженнее — их все не было. Ударил второй звонок — я похолодел от страха: опоздала или он в последнюю минуту вдруг не пустил ее!*» [Бунин]. Муж главной героини заканчивает жизнь самоубийством.

- Почему слова «лазурно светилась»; «солнце было радостно»; «быстро прыгала» могут быть примерами, доказывающими, что текст относится к «печальным»?

Модель ответа: эти слова можно отнести к семантическому комплексу «радость».

- Назовите все семантические комплексы, которые можно выделить в тексте.

Модель ответа: радость/печаль, смерть, холод, запах.

Задание на интеграцию и интерпретацию информации [Дьячкова,2021].

Ученики анализируют два отрывка. Учатся воспринимать происходящее в произведении через описания природы. Работают в парах, составляют словесный ряд. Применяют накопленные знания.

1.«Я знал это **побережье**, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, одинокий, — на всю жизнь запомнил те **осенние вечера** среди **черных кипарисов**, у **холодных серых волн**... В Москве шли **холодные дожди**, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернется, было **грязно, сумрачно**, улицы **мокро** и **черно** блестели раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчичьих пролеток. И был **темный, отвратительный вечер**, когда я ехал на вокзал, все внутри у меня замирало от тревоги и холода. По вокзалу и по платформе я пробежал бегом, надвинув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто» [Бунин].

- Составьте словесный ряд «описание пейзажа» по данному отрывку.

- Предположите, почему автор подбирает именно такие слова?

2.« **Горячее солнце** было уже **сильно, чисто и радостно**. В лесах **лазурно светился, расходился и таял душистый туман**, за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная **белизна снежных гор**... Потом мы уходили на **берег**, всегда совсем **пустой**, купались и лежали на солнце до самого завтрака. После завтрака... в **знойном сумраке** нашей хижины под черепичной крышей тянулись через сквозные ставни **горячие, веселые полосы света**. Когда жар спадал и мы открывали окно, **часть моря**, видная из него между кипарисов, стоявших на скате под нами, имела **цвет фиалки** и **лежала так ровно, мирно**, что, казалось, никогда не будет конца этому покою,

этой красоте. **На закате** часто громоздились за морем **удивительные облака**; они пылали так великолепно, что она порой ложилась на тахту, закрывала лицо газовым шарфом и плакала: еще две, три недели — и опять Москва! **Ночи были теплы и непроглядны**, в черной тьме плыли, мерцали, светили топазовым светом огненные мухи, стеклянными колокольчиками звенели древесные лягушки. Когда глаз привыкал к темноте, выступали вверху **звезды и гребни гор**, над деревней вырисовывались деревья, которых мы не замечали днем» [Бунин].

- Составьте словесный ряд «пейзаж Кавказа».

- Почему автор подбирает именно такие слова?

Что помогли понять вам составленные словесные ряды? Сравните их и определите, к какому семантическому комплексу можно отнести слова первого словесного ряда, а к какому слова второго ряда? Докажите примерами.

Задания на поиск [Дьячкова, 2021].

1. Найдите в тексте слова, которые могут в тексте иметь реализацию слова «смерть» и напишите его значение.

Модель ответа: слово «смерть» имеет следующую реализацию в тексте: *курганы (бугор над древней могилой, могильник [Ожегов]), могильники (комплексы погребений [Ожегов]), выстрелил (произвести выстрел [Ожегов]).*

2. Найдите в тексте слово в лексическом значении «беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-н. неизвестного)»

Модель ответа: тревога.

3. Найдите данное предложение в тексте и напишите, какие чувства испытывает главная героиня в нем опираясь на контекст: «*Она порой ложилась на тахту, закрывала лицо газовым шарфом и плакала: еще две, три недели – и опять Москва!*» [Бунин]

Модель ответа: Главную героиню не покидает мысль о том, что счастье скоро закончится и придется вернуться. Она была счастлива на Кавказе наедине с главным героем и не хотела возвращаться в Москву.

4. Найдите в тексте предложение, которое доказывает, что муж главной героини относится к герою с депрессивной акцентуацией. Обоснуйте свой ответ.

Модель ответа: Возвратясь в свой номер, он лег на диван и *выстрелил* себе в виски из двух револьверов. В сознании офицера его честь и любовь были преданы его женой путем измены, а единственным выходом из такой ситуации явилось самоубийство из двух револьверов. У героев с депрессивной акцентуацией жизненный путь преждевременно обрывается самоубийством.

Задание на применение умений [Дьячкова, 2021].

После знакомства учеников с особенностями «печальных» текстов, представленными учителем в начале урока, предложить ученикам самим сделать вывод после первого прочтения текста.

Задание. Написать развернутый ответ: может ли рассказ «Кавказ» относиться к типу «печальные» тексты? Докажите свой ответ примерами из текста (лексика, описания героев). В этом задании можно предложить раздаточный материал:

1. Текст относится к типу «печальные» тексты, потому что _____

2. Текст не относится к типу «печальные» тексты, потому что _____

3. Он относится к этому типу, потому что можно выделить следующие семантические комплексы: _____

4. Я выделил(а) эти семантические комплексы, потому что в тексте встречаются следующие слова: _____

5. Героев рассказа можно отнести к типу героя «печальных» текстов, потому что _____

6. Вывод _____

Оно поможет ученикам научиться ориентироваться в тексте, находить ответы на поставленные вопросы, доказывать свои суждения аргументами и примерами, научиться воспринимать теоретический материал и применять его

на практике. Тем самым ученики научатся извлекать именно нужную информацию из текста, которая требуется для решения поставленных задач.

3.2. Задания на формирование читательской грамотности на материале психолингвистического анализа рассказа

И.А. Бунина «Дело корнета Елагина»

Произведение И.А. Бунина «Дело корнета Елагина» лучше попросить учащихся прочитать дома до занятия, ведь произведение достаточно объемное. Для работы на уроке может быть предложен сокращенный вариант текста.

Если работать с двумя произведениями в одном классе, то лучше «Дело корнета Елагина» оставить во вторую очередь. После урока с рассказом «Кавказ» дети уже будут понимать, что такое «печальные» тексты, какие семантические комплексы, ключевые слова и их реализации должны быть в тексте. Для изучающего чтения может быть предложено **задания**, связанное с **выделением ключевых слов текста по ходу чтения**. Например: дети, по ходу чтения, выделяют дома все, на их взгляд, нужные единицы лексики условным знаком.

Прием «Тонкий и Толстый вопрос» [Пронина, 2021]

Прием относится к технологии развития критического мышления и используется для организации взаимопроса.

Прием формирует такие умения, как:

- Умение составлять вопросы;
- Умение соотносить понятия.

Под «тонким» вопросом понимается то, что ответ на него должен быть однозначный, краткий.

Под «толстым» - ответ развернутый.

В первый раз текст читается детьми дома, а на уроке предлагается сформулировать по три «тонких» и три «толстых» вопроса», связанных с текстом и предоставленным теоретическим материалом.

Пример: **Тонкие вопросы:** 1. Можно ли выделить в тексте семантический комплекс «смерть»; (да) 2. Текст можно отнести к типу «светлый» текст? (нет) и т.д.

Толстые вопросы: 1. Как речь главного героя может доказать, что он относится к герою с депрессивной акцентуацией? 2. Какие лексические единицы из текста можно отнести к семантическому комплексу «печаль»? и т.д.

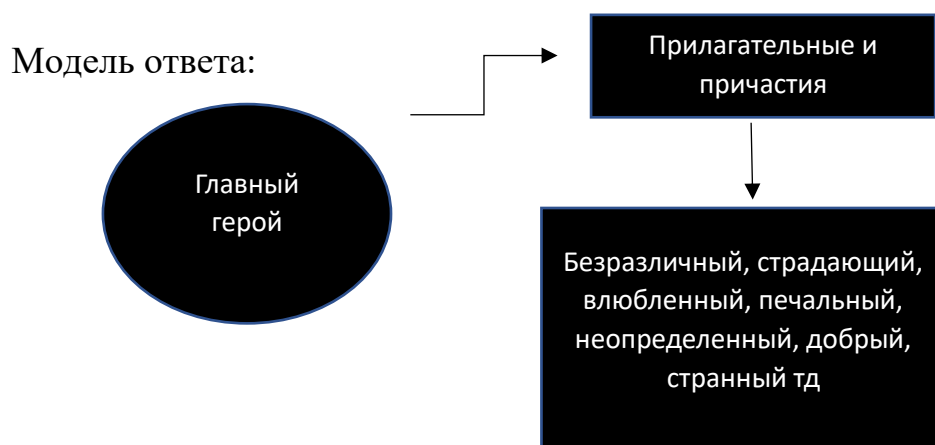
Прием «Кластер» [Дьячкова, 2021]

Ученикам даются ключевые слова и задание, они должны сделать кластер опираясь на текст. Задание лучше выполнять в парах.

1. Выпишите из текста 10 существительных, которые точнее всего описывают внутреннее состояние главной героини.

2. Выпишите из текста 10 прилагательных и причастий, которые точнее всего описывают внутреннее состояние главного героя.

После презентации кластеров выбранных учеников, класс может дополнить их своими ответами, которых, по их мнению, не хватает. На примере этого задания можно сделать вывод, относятся ли герои к типичным героям «печальных» текстов.

Задание направлено на формирование умений поиска нужной информации в тексте, ее систематизации и интерпретации.

Прием «Найди верный ответ».

С произведением «Дело корнета Елагина» так же можно выполнить задание «найди верный ответ». Это поможет проверить то, насколько внимательно дети прочитали текст и как обращали внимание на лексику. Опираясь на текст и понимание реализаций лексических единиц в тексте, дети выберут нужные ответы.

Пример: 1. *Найдите вариант ответа, в котором содержатся лексические реализации только ключевого слова «грусть» в рассказе «Кавказ».*

А. «вздохнула»; «холодно»; «страдания»;

Б. «молчание»; «томление»; «духи»;

В. «слезы»; «грустная»; «печален»

После того, как дети выполняют это задание, и найдут верный ответ, можно спросить к каким семантическим комплексам стоит отнести остальные слова. Тем самым дети смогут аргументировать свои ответы, опираясь на текст и на предложенную им теорию в начале урока.

2. *Найдите верные утверждения:*

А. В письме к своему другу Елагин писал, что он дошел до безразличия, в жизни, ему на все все равно;

Б. К семантическому комплексу «тяжесть» можно отнести слова: «каменеть», «кресты», «умолкла»;

В. Эпитеты «грустный вздох» и «трагическое положение» можно отнести к реализациям ключевого слова «грусть» ;

Г. Семантический комплекс «смерть» реализуется в словах: «надгробные кресты», «убил», «могила».

Задания на работу с текстом [Алиева, 2021].

- Объясните значения слов: «рок»; «безысходность»(пользуясь словарем)

Модель ответа: *рок* – это несчастливая судьба [Ожегов], *безысходность* – это свойство по значению прилагательного *безысходный*; отсутствие исхода, конца [Ожегов].

- В каких значениях употребляются слова: «чужая» в предложении: «*Я была в своей семье , да и во всем мире, всем чужая...*»[Бунин] и «холодна» в предложении «*Но, кроме того, она изменилась ко мне, стала холодна и насмешлива, принимала меня иногда так, точно мы были едва знакомы...*»? [Бунин].

Модель ответа: *чужая* - далекая по духу, по взглядам [Ожегов]. Главная героиня чувствует себя чужой, потому что ее не понимают. *Холодна* - перен. равнодушная, бесстрастная [Ожегов].

- Действительно ли герои из рассказа имеют депрессивную акцентуацию? Если да, то приведите примеры.

Модель ответа: В момент признания Елагиным в убийстве Марии, он отвечает «*Увы, к сожалению, а может, и к счастью, ничуть*» [Бунин]. Для героя с депрессивной акцентуацией характерен печальный, черный юмор. Для жизнь стала безразлична, он чаще начинает говорить о смерти: «*часто бывал задумчив, печален, говорил, что утверждается в намерении покончить с собой*»; «*дошел я, брат, до безразличия*» [Бунин]. Мария Сосновская и вовсе играла со смертью, постоянно говорила о самоубийстве, думала, что она одинока в этом мире: «*Скорее, поцелуйте меня, или я сию минуту выстрелю!*» [Бунин]; «*Я была в своей семье, да и во всем мире, всем чужая...*» и т.д. [Бунин].

- Могут ли слова «тяжелое»; «надгробные камни» быть примерами, доказывающими, что текст относится к «печальным»?

Модель ответа: основываясь на предложенную теорию по психолингвистическому анализу, да. Эти слова могут быть относиться к семантическому комплексу «тяжесть».

- Назовите все семантические комплексы, которые можно выделить в тексте.

Модель ответа: радость/печаль, смерть, тяжесть, холод

Задание на интеграцию и интерпретацию информации [Дьячкова, 2021].

Ученикам будут даны два отрывка из текста. Работают в парах, составляют словесные ряды. Применяют накопленные знания.

1.«— Я убил Маню, — сказал Елагин.— Ты пьян? Какую Маню? — спросил ротмистр.— Артистку Марию Иосифовну Сосновскую. Ротмистр спустил ноги с дивана:— Да ты что, шутишь?— **Увы, к сожалению, а может, и к счастью, ничуть.**— Кто это там? Что случилось? — крикнул граф из гостиной. Елагин потянулся и легким ударом ноги в дверь распахнул ее...Но почему, за что убил ее этот мужчина? Елагин **упорно твердил** в ответ на этот вопрос: потому, что **оба они** — и он сам, и Сосновская — **были в «трагическом положении»**, что они **не видели иного выхода** из него, кроме смерти, и что, **убивая Сосновскую, он лишь исполнил ее приказание...**На товарищеских пирушках чаще всего **бывал весел** и как-то **мило надоедлив...** Вступив в связь с Сосновской, **чувства к которой он всегда чрезвычайно старался скрыть от всех, очень изменился:** часто **бывал задумчив, печален, говорил, что утверждается в намерении покончить с собой...** » [Бунин].

- Составьте словесный ряд «поступки и поведение Елагина» по данному отрывку.

Являются ли эти слова доказательствами того, что Елагин относится к герою с депрессивной акцентуацией? Подкрепите свой ответ примерами.

2.«А дома она носила соблазнительные восточные и греческие одежды, в которых и принимала своих многочисленных гостей, **одну из своих комнат отвела, как она выражалась, специально для самоубийства,** — там были и

револьверы, и кинжалы, и сабли в виде серпов и винтов, и склянки со всевозможными ядами, — а постоянным и любимейшим предметом разговоров сделала смерть. Но мало того: часто, беседуя о всяческих способах лишиться себя жизни, она вдруг хватала со стены заряженный револьвер, взводила курок, приставляла дуло к своему виску и говорила: «Скорее, поцелуйте меня, или я сию минуту выстрелю!» — а не то брала в рот пилюлю со стрихнином и заявляла, что, если гость тотчас же не упадет на колени и не поцелует ее босую ногу, она проглотит эту пилюлю... Странная была женщина! Когда у нее бывали гости, она чаще всего была очень весела, кокетлива; но случалось — вдруг ни с того ни с сего умолкнет, закатит глаза, уронит голову на стол... а не то начнет бросать, бить об пол стаканы, рюмки... И, однако, жизнь ее была сплошным томлением, непрестанной жаждой уйти прочь от постылого земного мира, где все всегда не те и не то. В силу чего? В силу того, что она все это наиграла себе» [Бунин].

- Составьте словесный ряд «поступки и поведение Марии» по данному отрывку.

Являются ли эти слова доказательствами того, что Мария Сосновская относится к герою с депрессивной акцентуацией? Подкрепите свой ответ примерами.

- Что объединяет и различает двух героев? Сравните два отрывка и определите, к какому семантическому комплексу можно отнести слова первого словесного ряда, а к какому слова второго ряда? Докажите примерами.

Задания на поиск [Дьячкова, 2021].

1. Найдите в тексте слова, которые могут в тексте иметь реализацию слова «смерть» и напишите его значение.

Модель ответа: слово «смерть» имеет следующую реализацию в тексте: *мертвец (умерший человек, покойник. [Ожегов]), кладбище (место погребения умерших [Ожегов]), лишил жизни (книжн. убивать. [Федоров, 2008]).*

2.Найдите в тексте слова в лексическом значении *«равнодушие, безучастное отношение к кому-чему-н.б.»*

Модель ответа: безразличие

3.Как вы понимаете смысл этого предложения: *«Все было у нее: красота, молодость, слава, деньги, сотни поклонников, и всем этим она пользовалась со страстью и упоением. И, однако, жизнь ее была сплошным томлением, непрестанной жаждой уйти прочь от постылого земного мира, где все всегда не те и не то. В силу чего? В силу того, что она все это наиграла себе»* [Бунин].

Модель ответа: Мария Сосновская актриса, человек живущий в постоянной игре. Кажется, что у нее есть все, о чем можно мечтать, но действительно ли оно есть? И действительно ли, что это то, что нужно героини? Нет, она сама не знает, чего хочет. Она томится от жизни, но при этом хочет жить.

4.Найдите в тексте одно предложение, которое доказывает, что главная героиня относится к герою с депрессивной акцентуацией. Обоснуйте свой ответ.

Модель ответа: *«Но мало того: часто, беседуя о всяческих способах лишиться себя жизни, она вдруг хватала со стены заряженный револьвер, взводила курок, приставляла дуло к своему виску и говорила: «Скорее, поцелуйте меня, или я сию минуту выстрелю!» — а не то брала в рот пилюлю со стрихнином и заявляла, что, если гость тотчас же не упадет на колени и не поцелует ее босую ногу, она проглотит эту пилюлю»* [Бунин]. Герой "печальных" текстов часто играет со смертью, она для него не страшна.

Вывод по главе:

Предлагаемые учителями русского языка и литературы приемы и задания для формирования читательской грамотности, были выбраны переработаны для работы по материалу психолингвистического анализа рассказов И.А. Бунина «Кавказ» и «Дело корнета Елагина».

Раздел 4. Методическая часть

4.1. Апробация приемов на уроке развития речи в 6 классе.

Апробация нескольких приемов прошла в МБОУ Гимназии № 16, г. Красноярске, в 6 «А» классе. Урок развития речи был проведен в рамках темы «Слово – единица лексикологии» по программе УМК под редакцией А.Д. Шмелева.

Тема: Особенности лексики в рассказе И.А. Бунина «Кавказ»

Тип урока: интегрированный

Цель урока: выявить и проанализировать семантические комплексы в рассказе «Кавказ» посредством приемов, направленных на формирование читательской грамотности.

Планируемые результаты:

Личностные: осознание ценностно-смысловых установок, сформированность мотивации к обучению и целенаправленной познавательной деятельности.

Метапредметные: овладение всеми видами речевой деятельности, приемами отбора и систематизации материала на определенную тему.

Предметные: развитие логического мышления при анализе художественного произведения; развивают умение правильно излагать мысли.

Ход урока:

1. Организационный момент:

Приветственное слово учителя.

2. Мотивация учебной деятельности: (2 мин)

Прочитать и вывести на слайд два стихотворения с противопоставленными словами:

- М.Ю. Лермонтов «На севере диком стоит одиноко»
- М. Дудин «В путь!»

Какое настроение передает первое стихотворение? Ответы: грусть, одиночество, печаль. А какое второе стихотворение? Ответы: позитив,

желание двигаться. Как вы думаете, что в стихотворениях способствовало для передачи такого настроения? Ответы: лексика.

3. Формулировка темы урока: (2 мин)

Как вы думаете, лексика каждого художественного текста уникальна и служит для передачи идеи автора? (да).

В рамках одного текста, как вы считаете, могут употребляться слова, которые несут общую семантику? (да).

Можно ли в тексте, выделить комплексы слов, которые встречаются в тексте чаще, чем другие? Например, комплекс слов, которые описывают плохую погоду. (можно)

Как вы думаете, почему такое можно заметить в тексте? (Автор использует определенную лексику для передачи идеи, характеристики персонажей и др.)

Правильно, но анализируя лексику и выделяя комплексы слов, связанные семантикой, мы так же можем проанализировать текст с психолингвистической точки зрения. Знакомо ли вам это понятие? (нет)

Если мы сказали, что лексика уникальна в каждом тексте, то, как вы думаете, какая сегодня тема урока? (Особенности лексики произведения)

Верно, и поработаем мы с вами над текстом И.А. Бунина «Кавказ» и попробуем выявить его семантические комплексы. Для начала узнаем, что такое психолингвистика и психолингвистический анализ.

4. Работа над темой занятия: 30 мин

Работа с презентацией и раздаточным материалом (Приложение А): (5 мин)
Этот раздаточный материал поможет для понимания, что такое психолингвистический анализ и на что нужно обращать внимание при прочтении текста. Для детей сразу проговаривается то, что рассказ «Кавказ» можно отнести к «печальному» тексту, но почему – им предстоит выявить самим.

Давайте познакомимся с рассказом при помощи приема «Чтение с остановками» (15 мин). Мы будем читать текст по абзацам. Пока один

ученик читает, другие выделяют в произведении слова, которые по их мнению могут относиться к семантическим комплексам, которые изучили в начале урока.

Работа выполнялась с фрагментами текста (Приложение), который был роздан каждому ученику. По ходу чтения по абзацам, ученики выделяли лексику, которая может относиться к ключевым словам семантических комплексов «печальных» текстов. Были выделены следующие слова и предложения: *«томительно, затворником», «умру», «моря», «молодой», «одинокий», «в осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это», «черные кипарисы», «холодных серых волн», «холодные дожди», «грязно», «сумрачно», «мокро и черно», «отвратительный вечер», «похолодел от страха», «ледяной рукой», «лучше смерть, чем эти муки», «из уборных пахло мылом, одеколоном и всем, чем пахнет людный вагон утром», «курганы», «могильники», «солнце было сильно, чисто, радостно», «пахнущему из труб горящим кизяком», «горячие, веселые полосы света», «плакала», «буря», «лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов» [Бунин].*

После каждого абзаца было обсуждение, что выделили ученики и почему. Они смогли сразу сопоставить теоретический материал с поставленной задачей и при объяснении выделяли семантические комплексы. Были выделены: «печаль/радость», «холод», «запах», «смерть», «одинокчество».

Задания на поиск. (5 мин)

1. Найдите в тексте слова, которые могут в тексте иметь реализацию слова «смерть» и напишите его значение. **Ответы:** *курганы (бугор над древней могилой, могильник [Ожегов, 2000]), могильники (комплексы погребений [Ожегов, 2000]), выстрелил (произвести выстрел [Ожегов, 2001]), умру (умереть – перестать жить [Ожегов, 2001]).*

2.Найдите в тексте слово в лексическом значении «беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-н. неизвестного)» **Ответы:** *тревога.*

3.Найдите данное предложение в тексте и напишите, какие чувства испытывает главный герой в нем, опираясь на контекст: *«В осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это.»* **Ответы некоторых учеников:** *«Он и его возлюбленная до конца не верили, что смогут уехать на Кавказ»; «Чувство тревоги. Герою казалось, что задуманное может не случиться»; «Как и героям «печальных» текстов, герой рассказа не верил в счастье и готовился к худшему исходу» и др.*

4.Найдите в тексте предложение, которое доказывает, что муж главной героини относится к герою «печальных» текстов. Обоснуйте свой ответ. **Ответы некоторых учеников:** *«Герои «печальных» совершают самоубийства, как и муж главной героини»; «Выстрелил в себя из револьверов»; «Покончил жизнь самоубийством».*

Задание на применение умений. (5 мин)

Задание. Напишите развернутый ответ, может ли рассказ «Кавказ» относиться к типу «печальные» тексты. Докажите свой ответ примерами из текста (лексика, описания героев).

Ученикам был выдан раздаточный материал. **Ответ одного из учеников:**

1.Текст относится к типу «печальные» тексты, потому что: *в тексте присутствуют слова, которые указывают на комплексы, характерные для «печальных» текстов: умру, выстрелил, холодные, осенние, радостно и др. Герои так же соответствуют героям «печальных текстов»: муж застрелился, героиня часто плакала, рассказчик часто сомневался и не верил в счастье.*

2. Текст не относится к типу «печальные» тексты, потому что: *относится*

3. Он относится к этому типу, потому что можно выделить следующие семантические комплексы: *смерть, печаль, одиночество, холод и запах*

4. Я выделил(а) эти семантические комплексы, потому что в тексте встречаются следующие слова: *«умру», «одинокий», «холодные серые волны», «холодные дожди», «отвратительный вечер», «похолодел от страха», «ледяной рукой», «лучше смерть, чем эти муки», «из уборных пахло мылом», «курганы», «могильники», «выстрелил себе в виски из двух револьверов» и др.*

5. Героев рассказа можно отнести к типу героя «печальных» текстов, потому что: *Они часто сомневались и не верили в счастье. Герой-повествователь дает печальное описание Москвы, но когда они приехали на Кавказ, то были счастливы, но главная героиня все равно страдала, ведь счастье не на долго. Ее муж застрелился.*

6. Вывод: *рассказ И.А. Бунина можно отнести к «печальному» типу текста.*

5. Итоги урока, рефлексия (3 мин)

Давайте подумаем, почему в начале урока я прочитала два стихотворения и они вызвали у вас разные эмоции? С каким стихотворением можно соотнести рассказ «Кавказ» и почему?

Рефлексия:

1. Мне понравился/понравился урок;
2. Мне было трудно/ не трудно
3. Я доволен/ не доволен своей работой
4. Я узнал/ не узнал новое для себя на уроке

5. Домашнее задание: (3 мин)

Прочитать рассказ И.А. Бунина «Легкое дыхание» и по образцу раздаточного материала с заданием, которое выполняли в конце урока, проанализировать, относится ли он к «печальным» (письменно).

4.2. Конспект урока по формированию читательской грамотности (на материале психолингвистического анализа произведения И.А. Бунина «Дело корнета Елагина»)

Урок развития речи можно провести в рамках раздела «Лексика и фразеология» в УМК под редакцией А.Д. Шмелева.

Тема: Особенности лексики в рассказе И.А. Бунина «Дело корнета Елагина»

Класс: 7

Тип урока: интегрированный, урок систематизации знаний.

Цель урока: выявить и проанализировать семантические комплексы в повести «Дело корнета Елагина» посредством приемов, направленных на формирование читательской грамотности.

Предварительное домашнее задание: прочитать повесть И. А. Бунина «Дело корнета Елагина».

Этапы занятия	Деятельность учителя	Деятельность учеников
Организац ионный момент	Приветственное слово от учителя	
Мотивация учебной деятельнос ти (2 мин)	«Облака мыслей, гонимые ветрами мотивов, проливаются дождём слов» (Л.С. Выготский) Работа с эпиграфом урока. Предположить, как он может быть связан с темой урока. - Объясните, как вы понимаете эту фразу? Как она может быть связана с темой урока?	Слушают учителя. Отвечают на вопросы.
Формулиро вание темы и	Через объяснение привести к теме урока и цели.	Отвечают и с помощью учителя

<p>постановка целей занятия (2 минуты)</p>	<p>Как вы думаете, в каждом художественном тексте лексика особенна? В чем может заключаться эта особенность? Как может лексика, выбранная автором, влиять на понимание идеи произведения? Можно ли при ее помощи проанализировать произведение с разных сторон и посмотреть на текст по-новому?</p> <p>Как можно связать ваши предположения об эпитафии и особенностью лексики в произведении?</p> <p>Формулируем тему.</p>	<p>формулируют тему урока и цели.</p>
<p>Работа над темой занятия (30 минут)</p>	<p>Учитель дает новый материал про психолингвистику и психолингвистический анализ на раздаточном материале (Приложение А).</p> <p>Беседа по прочитанному произведению.</p> <p>– О чем говорится в произведении? Какие чувства и эмоции у вас возникли при прочтении? После знакомства с типами текстов по В.П. Белянину, можете определить, к какому типу относится «Дело корнета Елагина»?</p> <p>Работа с текстом. В классе лучше дать сокращенный вариант произведения (Приложение В.)</p> <p>Приём «Тонкий и Толстый вопрос»</p> <p>Ученики составляют три «тонких» вопроса, которые предполагают односложный ответ</p>	<p>Слушают, читают и обсуждают.</p> <p>Отвечают.</p> <p>Составляют вопросы.</p> <p>Отвечают.</p> <p>Отвечают.</p>

	<p>(да/нет) и три «толстых», которые предполагают развернутые ответы. Вопросы должны быть составлены по прочитанному тексту и теоретическому материалу, который был объяснен в начале урока.</p> <p>Задания на работу с текстом</p> <ul style="list-style-type: none"> - Объясните значения слов: «рок»; «безысходность» (пользуясь словарем) - В каких значениях употребляются слова: «чужая» в предложении: <i>«Я была в своей семье , да и во всем мире, всем чужая...»</i> и «холодна» в предложении <i>«Но, кроме того, она изменилась ко мне, стала холодна и насмешлива, принимала меня иногда так, точно мы были едва знакомы...»?</i> - Действительно ли герои из рассказа имеют депрессивную акцентуацию? Если да, то приведите примеры. - Найдите слова, которые относятся к семантическим комплексам «тяжесть»; «смерть»; «печаль». <p>Практическая работа в группах:</p> <p>Задание на интеграцию и интерпретацию информации.</p> <p>Перед вами отрывок из текста: 1 группа. Описание корнета Елагина; 2 группа. Описание Маши Сосновской. Вам нужно составить словесные ряды. Для 1 группы: «поступки и поведение Елагина».</p>	<p>Делятся на группы.</p> <p>Выполняют работу.</p> <p>Отвечают после выполнения.</p> <p>Так как все прочитали текст дома, ответы могут дополняться учениками из другой группы.</p>
--	--	--

	<p>Являются ли эти слова доказательствами того, что Елагин относится к герою с депрессивной акцентуацией? Подкрепите свой ответ примерами.</p> <p>Для 2 группы: «поступки и поведение Марии».</p> <p>Являются ли эти слова доказательствами того, что Мария Сосновская относится к герою с депрессивной акцентуацией? Подкрепите свой ответ примерами.</p> <p>- Что объединяет и различает двух героев? Сравните два отрывка и определите, к какому семантическому комплексу можно отнести слова первого словесного ряда, а к какому слова второго ряда? Докажите примерами.</p>	
<p>Итоги урока, рефлексия (4 минуты)</p>	<p>Подводим итоги. Почему в начале урока был дан именно такой эпиграф? Можем ли мы утверждать, что повесть «Дело корнета Елагина» относится к «печальным» текстам?</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Мне было легко/тяжело работать на уроке; 2. Я понял/ не понял новую информацию; 3. Я доволен/ не доволен своей работой 4. Я сформировал следующие навыки на уроке... 5. Мне пригодятся/ не пригодятся полученные знания в последующем. 	<p>Анализируют итоги работы</p>

Домашнее задание (2 мин)	Прочитайте любой рассказ из цикла «Темные аллеи» И.А. Бунина и напишите развернутый ответ, относится ли он к «печальному» типу текстов.	Записывают.
--------------------------	---	-------------

Вывод по главе:

На практике в МБОУ Гимназии №16 был проведен урок «Особенности лексики в рассказе И.А. Бунина «Кавказ»» в 6 «А» классе. Работа прошла результативно, знакомство с психолингвистическим анализом вызвала большой интерес у учащихся. Дети по-новому посмотрели на текст и сделали вывод, что такой урок помогает понять речь и поступки героев с психологической точки зрения.

Для урока «Особенности лексики в повести И.А. Бунина «Дело корнета Елагина»» был предоставлен конспект того, как можно простроить занятие в 7 классе.

Заключение

Исследование способов и приемов формирования читательской грамотности (на материале психолингвистического анализа текстов И.А. Бунина «Кавказ» и «Дело корнета Елагина») позволило сделать следующие выводы.

Было выявлено несколько подходов к изучению читательской грамотности и ее определению. Наиболее точно описывают явление читательской грамотности и то, на что она направлена Е. Алюкова и Л.М. Анисимова. Читательская грамотность подразумевает под собой обширный круг компетенций – от расшифровки информации, знания слов, грамматики, структуры текста до знаний о мире.

Формирование читательской грамотности – процесс развития в ученике умения вычленять информацию из текста, выстраивать суждения, а также умение выражать собственные суждения на основании прочитанного, интерпретировать и оценивать информацию, данную в тексте.

На основе этого нами были рассмотрены различные приемы и задания на формирование читательской грамотности, а в частности предложенные в сборнике материалов районного методического объединения учителей русского языка и литературы «Развитие читательской грамотности на уроках русского языка и литературы» (составители О.М. Дьячкова и О.Н. Осина) и переработаны на материале психолингвистического анализа.

Было выявлено, что психолингвистический анализ может быть полезным инструментом для формирования читательской грамотности у учащихся средней школы. Он представляет собой анализ языковых единиц в тексте, интерпретацию их значений, объединение этих единиц в семантические комплексы, которые характерны для того или иного типа текста.

Приемы для формирования читательской грамотности на материале психолингвистического анализа способствуют развитию критического мышления учеников и обеспечивают дальнейшее формирование

аналитических способностей. Психолингвистический анализ может помочь читателям лучше понимать и анализировать такие языковые элементы, как: структура предложений, лексическое значение слов. Это в свою очередь может помочь им развить свои навыки в анализе текстов и в их понимании, в работе с лексикой и выразительными средствами произведения.

Были представлены следующие переработанные задания, направленные на формирование читательской грамотности и выявление особенностей «печального» типа текста (на материале психолингвистического анализа произведений И.А. Бунина):

Прием «чтение с остановками». Он направлен не просто на прочтение текста, а на выделение в нем информации, которая будет полезна для решения поставленных задач. В нашем случае это поиск лексических единиц, которые характерны для «печальных» текстов, на основе которых можно выделить семантические комплексы и доказать, что текст действительно относится именно к этому типу.

Прием «найди верный ответ». Направлен на формирование у учеников умения соотносить информацию между собой и вследствие этого разделять верную и не верную. Прием помогает узнать, правильно ли дети поняли текст, теоретический материал и умеют ли определять семантику лексических единиц.

Приём «тонкий и толстый вопрос». Этот приём направлен на взаимопрос. Учащиеся учатся формулировать вопросы, соотносить прочитанный текст и теоретический материал. Дети, формулируя такие вопросы и отвечая на них, смогут проанализировать, действительно ли тексты И.А. Бунина относятся к «печальным».

Прием «кластер». Направлен на формирование умений поиска нужной информации в тексте, ее систематизации и интерпретации. Для нас этот прием удобен тем, что может помочь в поиске лексических единиц, благодаря которым сформируется образ главных героев.

Задания на работу с текстом помогают в работе со словарями, для определения значений слов, с художественными средствами, со словами в переносном значении, на выделение нужной информации, которая содержится в тексте, для выполнения поставленных задач.

Задание на интерпретацию и интеграцию информации поможет сформировать умения связывать и толковать информацию, которая явно не выражена в тексте. Предлагаемое задание на построение словесных рядов поможет выделить лексические единицы, которые помогут в нам в определении типа текста.

Задания на поиск помогут научить ориентироваться в тексте, выделять главную информацию и вычленять из произведения нужные лексические единицы.

Задание на применение умений поможет ориентироваться в тексте, находить ответы на поставленные вопросы, доказывать свои суждения аргументами и примерами, научиться воспринимать теоретический материал и применять его на практике. Тем самым ученики научатся извлекать именно нужную информацию из текста, которая требуется для решения поставленных задач.

Прием «чтение с остановками», задания на поиск и на применение умений были апробированы в школе и способствовали в формировании определенных умений у учеников и в доказательстве того, что произведение И.А. Бунина «Кавказ» относится к типу «печальных» текстов. По повести «Дело Корнета Елагина» был составлен конспект.

Список использованной литературы

1. Акулова К.Д. Пути формирования читательской грамотности на уроках русского языка в средней школе/ К.Д. Акулова // [Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева](#). – 2022 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/puti-formirovaniya-chitatelskoy-gramotnosti-na-urokah-russkogo-yazyka-v-sredney-shkole> (дата обращения 14.10.22)
2. Алюкова Е. Проверяемые виды деятельности читательской грамотности // Похвистневский РЦ. – 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://rcpohv.minobr63.ru/proveryaemye-vidy-deyatelnosti-chitatelskoj-gramotnosti/> (дата обращения 18.03.2023)
3. Андреева И.М. Урок развития речи в 6 классе/ И.М. Акулова // Эксперимент и инновации в школе. – 2013 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/urok-razvitiya-rechi-v-6-klasse> (дата обращения 6.05.23)
4. Анисимова Л.М. Формирование читательской компетентности / Л.М. Анисимова - М.: Просвещение, 2013. – 176 с.
5. Асмолов, А.Г. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская и др. / под ред. А.Г. Асмолова. 2-е изд. - Москва: Просвещение, 2011. – 159 с.
6. Белькова, А.Е. Методические способы формирования читательского интереса: сборник научных статей / А. Е. Белькова, П. А. Чубак // Молодой ученый, 2016. – 1842 с.
7. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики (Модели мира в литературе). – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
8. Белянин В.П. Психолингвистика. – М.: Флинта, МПСИ, 2004 г. – 234 с.
9. Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 120 с.

10. Выготский Л.С. Психология искусства: под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1987. – 344 с.
11. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. 3-е перераб. и доп. изд. – М.: Лабиринт, 2001. – 304с.
12. Данюкова М.А. Способы формирования читательской грамотности на уроках русского языка и литературы. – 2022 [Электронный ресурс] URL: https://yrok.pf/library/sposobi_formirovaniya_chitatelskoj_gramotnosti_na_145807.html (дата обращения 16.02.2023)
13. Доскарина Г.М. Исследование в действии: способы и приемы повышения уровня читательской грамотности учащихся / Г.М. Доскарина // Молодой ученый. – 2016. - №10. - С. 19-21.
14. Дьячкова О.М., Осина О.Н. Развитие читательской грамотности на уроках русского языка и литературы. – 2021 [Электронный ресурс] URL: https://vk.com/doc499913548_648446022?hash=LFaGG Ae79fizUfuzwtI6mk3mtyBWBBzXVU9sFD1mB2T&dl=48XFiHyZp4pRxJsMlreg1pMN gIJEcX8g3PD3Sh7p2BP (дата обращения 25.04. 2023)
15. Дяконова Э.К. Развитие читательской грамотности на уроках русского языка и литературы. – 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2022/11/29/razvitie-chitatelskoj-gramotnosti-na-urokah-russkogo-yazyka-i> (дата обращения 9.01.2023)
16. Заир-Бек, С.И. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразовательных учреждений / С.И. Заир-Бек, И.В. Муштавинская. – 2-е изд., дораб. – Москва: Просвещение, 2011. – 223с.
17. Интернет библиотека Алексея Комарова. И.А. Бунин «Кавказ» [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/1811/p.1/index.html> (дата обращения 28.02.2023)
18. Интернет Библиотека Алексея Комарова. И.А. Бунин «Дело корнета Елагина» [Электронный ресурс] URL: <https://ilibrary.ru/text/1496/p.1/index.html> (дата обращения 5.03.2023)

19. Колганова, Н.Е. Сущностные характеристики формирования основ читательской компетентности школьников / Н.Е. Колганова // Теория и практика образования в современном мире: материалы II Международная научная конференция (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2012 г.). – Санкт-Петербург: Реноме, 2012. – 228 с.
20. Колосова В.М. Пути формирования читательской грамотности в процессе обучения / В.М. Колосова // Вестник науки. – 2022. - №2(47). - С. 26-27.
21. Крылова О.В. Формирование читательской грамотности учащихся / О.В. Крылова // Школьные технологии. – 2016. - №3. - С. 70-77.
22. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: 1997. – 287 с.
23. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
24. Мустафина Т.Г. Формирование читательской грамотности на уроках русского языка и литературы. – 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://urok.1sept.ru/articles/693242> (дата обращения 6.04.2023)
25. Нуруллина Г. М. К вопросу о понимании и восприятии текста в психолингвистической науке // Поволжский педагогический вестник. – 2018. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponimanii-i-vospriyatii-teksta-v-psiholingvisticheskoy-nauke> (дата обращения: 15.03.2023)
26. Полозова, Т. Д. Как сформировать читательскую активность: книга для учителя / Т. Д. Полозова. – Москва: Просвещение, 2008 – 120 с.
27. Сметанникова Н.Н. Учиться читать, чтобы учиться, читая / Н.Н. Сметанникова. – М. : Норма, 2014. – 302 с
28. Темкина В.Л. Семынина О.А. Современные подходы к анализу языка художественной литературы // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-analizu-yazyka-hudozhestvennoy-literatury> (дата обращения: 5.01.2023)

29. Уланович О.И. Психолингвистика: учеб. пособие. – Минск: Изд-во Гревцова, 2010. – 240 с.
30. Цукерман Г.А. Оценка читательской грамотности. Материалы к обсуждению / Г.А. Цукерман. - М., 2010. - 67 с
31. Чудинова, В.П. Чтение детей и подростков на рубеже веков: процессы трансформации / В.П. Чудинова // Читающий мир и мир чтения: сб. ст. по материалам международной конференции. Санкт-Петербург, июнь, 2002. - Москва: Рудомино, – 2003. – 128 с
32. Щибря О.Ю. Текст как вербальное пространство репрезентаций эмоций и эмотивности: психолингвистический подход // Наука. Инновации. Технологии. – 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tekst-kak-verbalnoe-prostranstvo-reprezentatsiy-emotsiy-i-emotivnosti-psiholingvisticheskiy-podhod-1> (дата обращения: 13.10.2022)
33. PISA 2018. Draft Analytical Frameworks // OECD. [Электронный ресурс] URL: <https://www.oecd.org/pisa/data/PISA-2018-draft-frameworks.pdf> (дата обращения: 15.01.2023)

Словари:

34. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 23.05.23)

Приложение А. Раздаточный материал с теорией для уроков.

<p>Психолингвистика – это</p>	<p>Дисциплина, находящаяся на стыке лингвистики и психологии. Она изучает взаимоотношение языка, мышления и сознания.</p>
<p>Психолингвистический анализ (по В.П. Белянину)</p>	<p>показывает у каждого типа текста соответствующий ему определенный тематический набор тем и определенные сюжетные построения. В рамках каждого типа текста можно выделить семантические комплексы. Этим комплексам соответствуют наборы лексических элементов (слов), которые в текстах одного типа встречаются наиболее часто, а в текстах других типов имеют иные смыслы.</p>
<p>Типы текстов (по В.П. Белянину)</p>	<p>«светлые», «темные», «печальные», «веселые», «красивые», «сложные», «смешанные»</p>
<p>«Печальные» тексты как тип художественного текста.</p>	<p>Печальные тексты не имеют сложной структуры. Идея того, что все преходяще, буквально пронизывает печальные тексты. Воспоминания о прекрасных, теплых для героя днях могут возникать после случайной встречи или же наплывать хорошим сном.</p> <p>«Герой печального текста – личность, которая вызывает жалость, но не унижающую, а добрую... Довольно часто в печальных текстах герой лишается всего, в том числе и средств к существованию» [Белянин, 1988: 70].</p> <p>В «печальных» текстах обычно два типа героя. Либо герой молод, полон надежд, но он умрет. Либо он стар и беден и вспоминает какие-то</p>

	<p>моменты своей молодости. Смерть представляет собой то, что избавляет героя от страданий.</p> <p>«Для героя «печального» текста все в прошлом, которое прекрасно. Но в прошлом сделано много ошибок и поэтому в настоящем – страдания и чувство вины за прошлое. В будущем – одиночество, холод и смерть» [Белянин, 2000].</p> <p>Для «печальных» текстов характерна депрессивная акцентуация. Говоря о ней Белянин ссылается на работу П.Б. Ганнушкина «Особенности эмоционально-волевой сферы при психопатиях» [Ганнушкин, 1984]. Валерий Павлович пишет, что «Ганнушкин называет людей, подверженных депрессии, «конституционально-депрессивными» личностями». Здесь говорится о лицах с постоянно пониженным настроением. Для таких людей жизнь бессмысленна, во всем пытаются видеть только мрачные стороны. Для депрессивной личности проблемы кажутся столь неразрешимыми, и такой человек всегда готов к худшему исходу. В.П. Белянин цитирует и мысль о том, что такие люди «никак не могут отделаться от уверенности в своей собственной виновности, окрашивающей для них чрезвычайно тяжелым чувством воспоминания о самых обычных поступках юности. Это заставляет их сторониться других людей, замыкаться в себе. Иной раз они настолько погружаются в свои самобичевания, что совсем перестают интересоваться окружающей</p>
--	---

	<p>действительностью, делаются к ней равнодушными и безразличными. Вечно угрюмые, мрачные, недовольные и малоразговорчивые, они невольно отталкивают от себя даже сочувствующих им лиц» [Белянин, 2000].</p> <p>Депрессивная личность обладает и такой особенностью, как скрывать свое угнетенное состояние за улыбкой. Они могут шутить, но юмор будет являться черным, печальным.</p> <p>Утомляются от общения, шума и разговоров. Пребывают в состоянии, когда хочется побыть одним в тишине и спокойствии. «В межличностном поведении депрессивная личность характеризуется пассивностью – она редко вступает в контакт первой, и в споре такой человек готов уступить другому, лишь бы не портить с ним отношения» [Белянин, 2000].</p>
<p>Семантические комплексы «печальных» текстов (далее С.К.)</p>	<p>С. К. <i>возраст</i> подразумевает, что герой, либо молод, либо вспоминает о своей молодости, но теперь он стар. Для таких героев прошлое обычно идеализировано, что также связано с психологической доминантой – депрессивностью.</p> <p>С.К. <i>смерть</i> зачастую означает смерть героев, либо же их игра со смертью. В «печальных» текстах все фатально предрешено, этого не избежать. Такие герои не удивляются обрушившимся на них трудностям.</p> <p>С.К. <i>одиночество</i> – это совершенные в молодости ошибки и, оценивание своей жизнь как череду</p>

	<p>ошибок, неудач и трудностей. Поэтому постоянное ощущение одиночества.</p> <p>С.К. <i>обнищание</i>. Герой «печальных» текстов нередко беден изначально, или он лишается средств к существованию, нищает по ходу развития сюжета.</p> <p>С.К. <i>немота</i>. Бывает такое, что в «печальных» текстах герой немой. Крайней формой отказа от общения при депрессии является мутизм как неспособность говорить. Автор словно не дает своему герою сил ни на сопротивление, ни на речевую деятельность.</p> <p>С.К. <i>холод, слепота, приятный запах</i> также являются неотъемлемой частью семантического комплекса.</p> <p><i>Вздых</i> подразумевает под собой желание вздохнуть, нехватка дыхания из-за депрессивного состояния.</p> <p><i>Тяжесть</i> в «печальном» тексте обуславливается депрессивным состоянием героя [Белянин, 2000].</p>
<p>Ключевые слова и их реализации</p>	<p><i>Грусть</i>: грустно, тоскливо, печаль, печально, сомнения.</p> <p><i>Одиночество</i>: один, сидеть, лежать, молчать, немой; море, океан, остров, звезды; вечность.</p> <p><i>Доброта</i>: понимание, любовь, смотреть в глаза, чувствовать родственную душу; добрый, чуткий, внимательный, заботливый.</p>

	<p><i>Радость</i>: счастье, мир; веселье, смех, улыбка, живость, жизнелюбие, жизнерадостность; буря, вихрь, движение, действие, борьба.</p> <p><i>Молодость</i>: детство, молодость, юность; душа; глаза, взгляд, губы, приятные запахи, яркий.</p> <p><i>Старость</i>: воспоминания, холодно, одиноко; быть забытым, ненужным; нуждаться в заботе; желать смерти.</p> <p><i>Холод</i>: холод, прохлада, осень, зима, снег.</p> <p><i>Тяжесть</i>: тяжелый, нелегкий, (при)давить, камень, груз.</p> <p><i>Вздых</i>: спокойствие, усталость, дышать, дыхание, легко.</p> <p><i>Смерть</i>: умереть, уснуть вечным сном, сладко спать (в сырой земле, в могиле); кладбище, плита, камень, могила, труп, мертвец, череп, крест; вечер, ночь, бродить; печальный, тихий, вечность [Белянин, 2000].</p>
--	--

Приложение Б. Психолингвистический анализ текста

И.А. Бунина «Кавказ»

Вдали от России, после эмиграции, Бунин и пишет сборник, пропитанный тоской, печалью, невозможностью на счастье. Произведение «Кавказ» начинается с «... я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником...». Слова *воровски* (мошеннически, как свойственно вора, исподтишка, украдкой, плутовски [Ожегов, 2000]); *незаметных* (плохо видимый, трудно различаемый, мало ощущаемый [Ожегов, 2000]); *затворником* (человек, живущий уединенно, вдали от общества [Ожегов, 2000]) указывают на то, что герой живет

отчужденно, отречено от окружающих, наедине с собой. Эти единицы указывают на семантический комплекс «**одинокчество**».

Его и главную героиню объединяет тайна. Возлюбленная главного героя – жена офицера, а значит их любовь невозможна. Они придумывают план: уехать на Кавказ, где они смогут не прятаться и наслаждаться временем, проведенным вместе. Главный герой уже бывал в тех местах: «Я знал это *побережье*, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, *одиноккий*, — на всю жизнь запомнил те *осенние* вечера среди *черных* кипарисов, у *холодных серых волн...*» [Бунин]. В этом предложении реализуются сразу несколько семантических комплексов. **Одинокчество**: «*побережье*» (по определению В.П. Белянина), «*одиноккий*»; **холод**: «*осенние*», «*холодных*»; **печаль**: «*черных*», «*серых*». Белянин так же отмечает, что ключевое слово **грусть** имеет реализацию через «*сомнения*». Сомнения и страх ощущаются главным героем вплоть до того, как они сели в поезд и он тронулся: «В осуществление нашего плана мы *не верили до последней минуты* — слишком великим счастьем *казалось* нам это»; «все внутри у меня замирало от *тревоги* и холода»; «Ударил второй звонок — я *похолодел от страха: опоздала или он в последнюю минуту вдруг не пустил ее!*» [Бунин].

Когда герой-рассказчик пребывает на вокзале, то дает описание погоды в Москве: «...шли *холодные дожди*, похоже было на то, что *лето уже прошло* и не вернется, было *грязно, сумрачно*, улицы *мокро и черно блестели* раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчичьих пролеток» [Бунин]. Все выделенные единицы лексики относятся к семантическим комплексам **холод**: «*холодные дожди; мокро, лето прошло*» и **печаль**: «*грязно, сумрачно, черно блестели*» [Бунин].

Свое внутреннее состояние герой описывает метафорами и эпитетами, указывающими на его волнения и сомнения, используя слова, которые так же можно отнести к комплексу **холод**: «*похолодел от страха*»; «я *ледяной* рукой сунул десятирублевую бумажку...» [Бунин].

Когда Москва была уже позади и герои направились на Кавказ, герой-рассказчик повествует о том, что «из уборных *пахло мылом, одеколоном* и всем, чем *пахнет* людный вагон утром». «Печальным» текстам характерно описание приятных запахов, тем самым отмечая семантический комплекс **запах**. В описании вида из окна встречаются слова, реализующие семантический комплекс **смерть**: «простор нагих равнин с *курганами (бугор над древней могилой, могильник [Ожegov])* и *могильниками (комплексы погребений [Ожegov])*». Сюда можно так же отнести слова главной героини в поезде: «лучше *смерть*, чем эти муки» [Бунин].

Природа, описанная на Кавказе, представляется яркой, наполненной красивыми эпитетами и олицетворениями. Здесь можно выделить семантический комплекс **радость**: «Горячее *солнце* было уже сильно, *чисто* и *радостно*»; [Бунин] «*лазурно светился*, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами *сияла* предвечная белизна снежных гор... Назад я проходил по *знойному* и пахнущему из труб горящим кизяком базару нашей деревни» [Бунин] (тут же семантический комплекс **запах**: «*душистый*», «*пахнущему горящим кизяком*») [Бунин]; «тянулись через сквозные ставни *горячие, веселые полосы света*» [Бунин]; «*быстро прыгала* по каменистому ложу мелкая, прозрачная речка» [Бунин]; «*чудесно дробился, кипел ее блеск...*» [Бунин].

На радостном фоне описания тихой, уединенной жизни главных героев нельзя не заметить их печаль, ведь счастье не долговечно: «*ложила*сь на тахту, закрывала лицо газовым шарфом *и плакала*» [Бунин]; «она радостно *плакала*» [Бунин]. Приближаясь к нерадостному финалу, в описании природы употребляется лексика семантического комплекса **смерть**: «в шумной *гробовой черноте* лесов»; «*ночь*»; «зеленые *бездны*» [Бунин]. В финале рассказа этот комплекс так же находит реализации в словах «*выстрелил* себе в виски из двух *револьверов*» [Бунин].

Для «печальных» текстов характерна *депрессивная акцентуация*, как уже говорилось в предыдущей главе. Герои отличаются сниженным

настроением. Жизнь окрашена траурными тонами, зачастую они думают, что все безысходно, бессмысленно, везде видят только мрачные стороны. Проблемы для них всегда кажутся неразрешимыми, герои с депрессивной акцентуацией видят только худшие исходы. Любое радостное событие кажется непрочным, оно обязательно закончится в худшую сторону, в будущем они ждут только несчастья, горе или совсем ничего.

Именно такими личностями предстают герои рассказа «Кавказ». На протяжении всего рассказа герои не верят в свое счастье. Кажется, будто задуманное не случится. Так, перед отъездом из Москвы, главный герой говорит: *«в осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты – слишком великим счастьем казалось нам это»* [Бунин]. Когда герои находятся на Кавказе, то их не покидает мысль о том, что счастье скоро закончится и придется вернуться: *«она порой ложилась на тахту, закрывала лицо газовым шарфом и плакала: еще две, три недели – и опять Москва!»* [Бунин]; *««Она радостно плакала»* [Бунин].

Герои «печальных» текстов утомляются от общения, шума и разговоров. Пребывают в состоянии, когда хочется побыть одним в тишине и спокойствии. Пребывание героев на Кавказе вдали от всех доказывает вышесказанное: *«Мы нашли место первобытное, заросшее чинаровыми лесами...»* [Бунин]; *«Потом мы уходили на берег, всегда совсем пустой..»* [Бунин]. Кипящей жизнью базара, где было тесно от народа, герои предпочитают уединение.

Детали, касающиеся мужа главной героини, мы прослеживаем в ее речи, где она цитирует его слова: *«я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!»* [Бунин]. Дважды подчеркнутое «честь» выражает модальность героя к этому понятию, обнаруживает чрезвычайное высокое значение для него. Это человек защищающий честное имя своей семьи. В сознании офицера его честь и любовь были преданы его женой путем измены, а единственным выходом из такой ситуации явилось самоубийство из двух револьверов. У героев с депрессивной акцентуацией жизненный путь преждевременно обрывается самоубийством.

Приложение В. Психолингвистический анализ повести «Дело корнета Елагина»

«Дело корнета Елагина» И.А. Бунина может так же относиться к «печальному» типу текста. В нем выделяются следующие семантические комплексы: радость/печаль, холод, тяжесть, смерть, одиночество.

Произведение начинается с рассмотрения дела об убийстве актрисы. К ротмистру лейб-гвардии гусарского полка Лихареву приходит корнет Елагин и заявляет, что убил Марию Сосновскую: — Я убил Маню, — сказал Елагин. — Ты пьян? «Какую Маню?» — спросил ротмистр. — Артистку Марию Иосифовну Сосновскую. Ротмистр спустил ноги с дивана: — Да ты что, шутишь? — *Увы, к сожалению, а может, и к счастью, ничуть*» [Бунин]. Для героя с депрессивной акцентуацией характерен печальный, черный юмор. Это мы можем наблюдать в последнем предложении фрагмента выше. Его словам не верят, воспринимают за шутку «— Что? — сказал граф и, мгновение помолчав, *вдруг захохотал*. — А, вот оно что! — *закричал он весело*. — Ну, черт с тобой, на этот раз прощается. Хорошо, что разбудил, а то бы непременно проспали, вчера опять до трех забавлялись. — Даю тебе слово, что убил, — настойчиво повторил Елагин. — *Врешь, братец, врешь!* — *закричал и хозяин, берясь за носки*. — А я уже было испугался, не случилось ли чего на самом деле... Ефрем, чаю!» [Бунин].

«Елагин упорно твердил в ответ на этот вопрос: потому, что оба они — и он сам, и Сосновская — *были в «трагическом положении», что они не видели иного выхода из него, кроме смерти*, и что, убивая Сосновскую, он лишь исполнил ее приказание» [Бунин]. Смерть для героя с депрессивной акцентуацией – избавление от страданий. Из-за поставленных жизнью трудностей перед ними, они не видят иного исхода, ведь таким героям свойственно думать лишь о худшем исходе.

Для героя «печального» текста прошло кажется прекрасным. Но из-за сделанных ошибок в прошлом, им свойственно чувствовать вину в настоящем. Прокурор говорит о том, что Елагин, после осознания того, что он

больше не офицер, зарыдал: «Елагин понял по лицам Лихарева и Фохта, что он, в сущности, больше уже не офицер. Вот в это-то время он и зарыдал, — закончил прокурор, — только в это время!» [Бунин]. И дальше по тексту мы понимаем, что главный герой пришел к осознанию спустя время и напомнило о счастливой жизни раньше, которой больше не будет: «Кому неизвестно, как часто происходит подобное *внезапное пробуждение от столбняка в горе, в несчастии* даже от чего-нибудь совершенно незначительного, от чего-нибудь случайно попавшегося на глаза и *вдруг напомнившего человеку всю его прежнюю, счастливую жизнь и всю безнадежность, весь ужас его теперешнего положения?*» [Бунин], «И мало того, что не офицер, — не офицер он потому, что *нет уже в мире той, которую он любил* истинно больше своей жизни, и он сам, *сам сделал это чудовищное дело!*» [Бунин].

Дальше повествование ведется об обсуждении характеров Сосновской и Елагина. О корнете дают показания его товарищи. О нем говорят, что он был добр, заботлив и справедлив, но и подмечается его резкие переходы от веселости к меланхолии: «Характер его, по-моему, отличался только одним: *неровностью*, которая выражалась, однако, не в чем-нибудь неприятном, а только *в частых и быстрых переходах от веселости к меланхолии, от разговорчивости к молчаливости*, от уверенности в себе к *безнадежности насчет своих достоинств и вообще всей своей судьбы*» [Бунин]. Странности в поведении выделяли почти все, кто его знал: «После того, как он пришел ко мне с признанием в убийстве Сосновской и Севский с Кошицем поскакали на Староградскую, он *то страстно плакал, то едко и буйно смеялся*» [Бунин]. После знакомства с Марией и вовсе переменялся: «Вступив в связь с Сосновской, чувства к которой он всегда чрезвычайно старался скрыть от всех, очень изменился: *часто бывал задумчив, печален, говорил, что утверждается в намерении покончить с собой*» [Бунин]. Последующие слова самого же героя в письме и вовсе указывают на то, что Елагин из доброго и веселого человека стал депрессивным, начал больше пить и будто потерял интерес к жизни: «Дошел я, брат, до какого-то *безразличия:*

все, все равно! Нынче хорошо, ну, и слава богу, а *что завтра будет* — *наплевать*, утро вечера мудренее. Добился я репутации славной: *первый пьяница и дурак* чуть ли не во всем городе» [Бунин]. В конце произведения герой говорит о безразличности к жизни и сожаление о своем поступке: «Так же *безразлично отношусь я и теперь к тому, что живу*. Но я не могу примириться с тем, что думают, будто я палач» [Бунин].

Из этих слов можно сделать предположение, что у героя прослеживаются черты человека с депрессивной акцентуацией: «Здесь говорится о лицах с постоянно пониженным настроением. Для таких людей жизнь бессмысленна, во всем пытаются видеть только мрачные стороны... Иной раз они настолько погружаются в свои самобичевания, что совсем перестают интересоваться окружающей действительностью, делаются к ней равнодушными и безразличными. Вечно угрюмые, мрачные, недовольные и малоразговорчивые. При этом, как показывают результаты психологических исследований, депрессивность положительно коррелирует со склонностью к употреблению алкоголя» [Белянин, 2000].

Мария Сосновская — молодая начитанная девушка, которая писала заметки в своем дневнике, которые самые важные для нас следующие: «Если бы не мать, я убила бы себя. Это мое постоянное желание» [Бунин], «Я изберу себе прекрасную смерть», «Все, все требуют моего тела, а не души...» [Бунин]. Главная героиня постоянно говорит о смерти, как она хочет ее и не боится. Она считала, что она одинока в мире: «Я была в своей семье, да и во всем мире, всем чужая...» [Бунин] и говорила всегда о смерти, будто бы для привлечения внимания «И о смерти она, по-моему, постоянно толковала тоже только с этой целью: заставить говорить о себе» [Бунин].

Главная героиня будто играла со смертью: «Но мало того: часто, беседуя о всяческих способах лишиться себя жизни, она вдруг хватала со стены заряженный револьвер, взводила курок, приставляла дуло к своему виску и говорила: «*Скорее, поцелуйте меня, или я сию минуту выстрелю!*» — а не то брала в рот пилюлю со стрихнином и заявляла, что, *если гость тотчас же не*

упадет на колени и не поцелует ее босую ногу, она проглотит эту пилюлю» [Бунин].

Но не смотря на это, свидетель Залесский утверждал, что она любила жизнь, но, как и Елагин, бывало вела себя странно: «Но она *плотоядно любила жизнь*, смерти боялась необыкновенно. Вообще было в ее натуре очень *много жизнерадостности и веселости*. Впрочем, тот же Залесский рассказывал о том, что *она страдала припадками тоски, отчаяния.*» [Бунин].

Все эти примеры дают понять, что у Марии Сосновской так же прослеживаются черты депрессивной акцентуации. У таких героев пессимизм присутствует и в высказываниях, и в мыслях. Кроме того, их нередко посещают мысли о болезни и смерти своей или близких людей. Характерны игры со смертью, герои «печальных» текстов не боятся ее и размышляют о самоубийстве [Белянин, 2000]: «*Я не боюсь смерти, — боюсь страданий, но ты бы мог одним выстрелом покончить со мной, а потом с собой*» [Бунин].

Для таких героев характерна мысль о том, что все будет так, как должно быть. Смерть будто предрешена и неизбежна: «*«Умираю не по своей воле»*. Вы думаете, что она этой фразой выразила свою незащитность передо мной. А по-моему, она хотела сказать другое: что наша несчастная *встреча с ней — рок, божья воля, что она умирает не по своей, а по божьей воле...*», «*Я тебя свела с ума и замучила, но уж таков мой характер и такова наша судьба*» [Бунин].

В конце произведения, как и многие герои «печальных» текстов, Мария умирает, заставив Елагина выстрелить в нее «Она же заметалась и, хватая меня за руки, стала просить: «А теперь *убей, убей меня!* ...» Как именно я сделал это? Я, кажется, обнял ее левой рукой, — да, конечно, левой — и прильнул к ее губам. Она говорила: «Прощай, прощай... Или нет: здравствуй, и теперь уже навсегда... Если не удалось здесь, то там, наверху...» Я прижался к ней и держал палец на спуске револьвера... Помню, я чувствовал, как дергалось все мое тело... А потом как-то сам собой дернулся палец...» [Бунин].

Рассмотрев образы героев, обозначив черты депрессивной акцентуации, перейдем к анализу семантических комплексов и ключевых слов.

Семантический комплекс «смерть» сразу же обнаруживается при прочтении текста. Ключевое слово «смерть» имеет следующие реализации в произведении: «убил», «застрелил», «покойная», «было мертво», «стало каменеть», «мертвая», «убита», «смерть», «умираю», «настал последний час», «покончить с собой», «убила бы себя», «кладбище», «надгробные камни», «кресты», «покойник», «себя тарарахнул», «самоубийство», «умирю», «покончить со мной», «убей».

Семантический комплекс «радость» выражается через ключевое слово «радость» и имеет следующие реализации в тексте: «чувствовала себя счастливой и радостной», «счастливая жизнь», «веселость», «веселый нрав», «улыбки».

Семантический комплекс «печаль» выражается через ключевое слово «грусть» и имеет следующие реализации в тексте: «зарыдал», «горе», «несчастье», «меланхолия», «безнадежность», «плакал», «бывал печален», «тоска», «грустный вздох», «страдала припадками тоски и отчаяния», «страдания».

Семантический комплекс «холод» выражается через ключевое слово «холод» и имеет следующие реализации в тексте: «февраль», «январь», «стала холодна», «холодная», «холодно», «холодной водой»,

Семантический комплекс «тяжесть» выражается через ключевое слово «тяжесть» и имеет следующие реализации в тексте: «тяжелое зрелище», «камни», «каменные стены»

Семантический комплекс «возраст» выражается через ключевое слово «молодость» и имеет следующие реализации в тексте: «юность», «красота», «молодостью», «молоденькая женщина»

Семантический комплекс «одинокость» выражается через ключевое слово «одинокость» и имеет следующие реализации в тексте: «росла одиноко», «во всем мире чужая».

Приложение Г. Сжатый текст «Кавказ» для работы в классе.

Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата и жил томительно, затворником — от свидания до свидания с нею.

— Мне кажется, — говорила она, — что он что-то подозревает, что он даже знает что-то, — может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу... Теперь он почему-то следит буквально за каждым моим шагом, и, чтобы наш план удался, я должна быть страшно осторожна. Он уже согласен отпустить меня, так внушила я ему, что умру, если не увижу юга, моря, но, ради бога, будьте терпеливы!

План наш был дерзок: уехать в одном и том же поезде на кавказское побережье и прожить там в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели. Я знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, одинокий, — на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди черных кипарисов, у холодных серых волн... В осуществление нашего плана мы не верили до последней минуты — слишком великим счастьем казалось нам это.

В Москве шли холодные дожди, похоже было на то, что лето уже прошло и не вернется, было грязно, сумрачно, улицы мокро и черно блестели раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчичьих пролеток. И был темный, отвратительный вечер, когда я ехал на вокзал, все внутри у меня замирало от тревоги и холода. По вокзалу и по платформе я пробежал бегом, надвинув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто.

В маленьком купе первого класса, которое я заказал заранее, шумно лил дождь по крыше. Я смотрел все напряженнее — их все не было. Ударил второй звонок — я похолодел от страха: опоздала или он в последнюю минуту вдруг не пустил ее! Но тотчас вслед за тем был поражен его высокой фигурой, офицерским картузом, узкой шинелью и рукой в замшевой перчатке, которой он, широко шагая, держал ее под руку. Третий звонок оглушил меня,

тронувшийся поезд поверг в оцепенение... Поезд расходился, мотаясь, качаясь, потом стал нести ровно, на всех парах... Кондуктору, который проводил ее ко мне и перенес ее вещи, я ледяной рукой сунул десятирублевую бумажку...

— Я совсем не могла обедать, — сказала она. — Я думала, что не выдержу эту страшную роль до конца. Я убеждена, что он поедет вслед за мною. Я дала ему два адреса, Геленджик и Гагры. Ну вот, он и будет дня через три-четыре в Геленджике... Но бог с ним, лучше смерть, чем эти муки...

Утром, когда я вышел в коридор, в нем было солнечно, душно, из уборных пахло мылом, одеколоном и всем, чем пахнет людный вагон утром. За мутными от пыли и нагретыми окнами шла ровная выжженная степь, видны были пыльные широкие дороги, арбы, влекомые волами, мелькали железнодорожные будки с канареечными кругами подсолнечников и алыми мальвами в палисадниках... Дальше пошел безграничный простор нагих равнин с курганами и могильниками, нестерпимое сухое солнце, небо подобное пыльной туче, потом призраки первых гор на горизонте...

Я просыпался рано и, пока она спала, до чая, который мы пили часов в семь, шел по холмам в лесные чащи. Горячее солнце было уже сильно, чисто и радостно. В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами сияла предвечная белизна снежных гор... Назад я проходил по знойному и пахнущему из труб горящим кизяком базару нашей деревни.

Потом мы уходили на берег, всегда совсем пустой, купались и лежали на солнце до самого завтрака. В знойном сумраке нашей хижины под черепичной крышей тянулись через сквозные ставни горячие, веселые полосы света.

На закате часто громоздились за морем удивительные облака; они пылали так великолепно, что она порой ложилась на тахту, закрывала лицо газовым шарфом и плакала: еще две, три недели — и опять Москва!

Иногда по ночам надвигались с гор страшные тучи, шла злобная буря, в шумной гробовой черноте лесов то и дело разверзались волшебные зеленые

бездны и раскалывались в небесных высотах допотопные удары грома. Тогда в лесах просыпались и мяукали орлята, ревел барс, тьякали чекалки... Раз к нашему освещенному окну сбежалась целая стая их, — они всегда сбегаются в такие ночи к жилью, — мы открыли окно и смотрели на них сверху, а они стояли под блестящим ливнем и тьякали, просились к нам... Она радостно плакала, глядя на них.

Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи, он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов.

Приложение Д. Сжатый текст «Дело корнета Елагина» для работы в классе.

I

Ужасное дело это — дело странное, загадочное, неразрешимое. С одной стороны, оно очень просто, а с другой — очень сложно, похоже на бульварный роман, — так все и называли его в нашем городе, — и в то же время могло бы послужить к созданию глубокого художественного произведения... Вообще справедливо сказал на суде защитник.

Было 19 июня прошлого года. Было раннее утро, был шестой час, но в столовой ротмистра лейб-гвардии гусарского полка Лихарева было уже светло, душно, сухо и жарко от летнего городского солнца. Неожиданно, среди полной тишины этого утра, в прихожей звякнул звонок, потом послышалось, как осторожно и легко, босиком, пробежал отворять денщик, а затем раздался намеренно громкий голос:

— Дома?

С тем же намеренным шумом и вошел пришедший, особенно свободно распахнув дверь в столовую, особенно смело стуча сапогами и звеня шпорами. Ротмистр поднял изумленное и заспанное лицо: перед ним стоял его товарищ

по полку, корнет Елагин, человек маленький, щуплый, рыжеватый и веснушчатый, на кривых и необыкновенно тонких ногах, обутый с тем щегольством, которое было, как он любил говорить, его «главной» слабостью. Он быстро снял с себя летнюю шинель и, бросив ее на стул, громко сказал: «Вот вам мои погоны!».

— Постой, постой, — пробормотал ротмистр, следя за ним вытаращенными глазами, — откуда ты, что с тобой?

— Я убил Маню, — сказал Елагин.

— Ты пьян? Какую Маню? — спросил ротмистр.

— Артистку Марию Иосифовну Сосновскую.

Ротмистр спустил ноги с дивана:

— Да ты что, шутишь?

— Увы, к сожалению, а может, и к счастью, ничуть.

— Кто это там? Что случилось? — крикнул граф из гостиной.

Елагин потянулся и легким ударом ноги в дверь распахнул ее.

— Не ори, — сказал он. — Это я, Елагин. Я застрелил Маню.

— Что? — сказал граф и, мгновение помолчав, вдруг захохотал. — А, вот оно что! — закричал он весело. — Ну, черт с тобой, на этот раз прощается. Хорошо, что разбудил, а то бы непременно проспали, вчера опять до трех забавлялись.

— Даю тебе слово, что убил, — настойчиво повторил Елагин.

— Врешь, братец, врешь! — закричал и хозяин, берясь за носки. — А я уже было испугался, не случилось ли чего на самом деле... Ефрем, чаю!

Елагин полез в карман штанов, вытащил из него небольшой ключик и, через плечо ловко бросив его на стол, сказал:

— Ступайте, посмотрите сами...

III

Редкой красота покойной была потому, что она на редкость удовлетворяла тем требованиям, которые ставят себе, например, модные художники, изображающие идеально хорошеньких женщин. Тут было все, что

полагается: прекрасное сложение, прекрасный тон тела, маленькая и без единого изъяна нога, детская, простодушная прелесть губ, небольшие и правильные черты лица, чудесные волосы... И все это теперь было уже мертво, все стало каменеть, блекнуть, и красота делала мертвую еще страшнее. Волосы ее были в полном порядке, прическа такова, что хоть на бал. Голова лежала на приподнятой диванной подушке, и подбородок слегка касался груди, что давало ее остановившимся, полуоткрытым глазам и всему ее лицу как бы несколько озадаченное выражение.

На улице послышался шум подъехавшего экипажа с доктором и следователем, и через несколько минут оказалось, что Елагин говорил правду: Сосновская, в самом деле, была убита из револьвера. Кровавых пятен на сорочке не было. Но зато под сорочкой обнаружили в области сердца багровое пятно, а посередине пятна круглую, с обожженными краями ранку, из которой сочилась жидкая темная кровь, ничего не испачкавшая вследствие того, что ранка была прикрыта комком носового платка...

Но почему, за что убил ее этот мужчина? Елагин упорно твердил в ответ на этот вопрос: потому, что оба они — и он сам, и Сосновская — были в «трагическом положении», что они не видели иного выхода из него, кроме смерти, и что, убивая Сосновскую, он лишь исполнил ее приказание. Однако этому как будто совершенно противоречили предсмертные записки покойной. Ведь на ее груди нашли две его визитных карточки, исписанных ее рукой польски (и, кстати сказать, довольно безграмотно). На одной стояло:

— Генералу Коновницыну, председателю правления театра. Приятель мой! Благодарю тебя за благородную дружбу нескольких лет... Шлю последний привет и прошу выдать моей матери все деньги за мои последние выходы...

На другой:

— Человек этот поступил справедливо, убивая меня... Мать, бедная, несчастная! Не прошу прощения, так как умираю не по собственной воле... Мать! Мы увидимся... там, наверху... Чувствую — это последний момент...

На таких же карточках писала Сосновская и другие предсмертные свои записки. Они валялись на выступе стены и были тщательно изорваны. Их сложили, склеили и прочли следующее:

— Человек этот требует моей и своей смерти... Живой мне не выйти...

— Итак, настал мой последний час... Боже, не оставь меня... Последняя моя мысль — матери и святому искусству...

— Бездна, бездна! Человек этот мой рок... Боже, спаси, помоги...

V

Многое можно было возразить на частности в речи прокурора. «Подсудимый человек вполне здоровый...» Но где граница здоровья и нездоровья, нормальности или ненормальности? «Он не предпринимал никаких шагов к устройству брака...» Но ведь, во-первых, не предпринимал он этих шагов только потому, что совершенно твердо был убежден в полной бесцельности их; а во-вторых, неужели любовь и брак так уж тесно связаны друг с другом, и Елагин успокоился бы и вообще всячески разрешил бы драму своей любви, обвенчавшись с Сосновской? Неужели неизвестно, что есть странное свойство всякой сильной и вообще не совсем обычной любви даже как бы избегать брака?

Но все это, повторяю, частности. А в основном прокурор был прав: аффекта не было.

Он говорил:

— Врачебная экспертиза пришла к заключению, что Елагин был «скорее» в спокойном, чем в аффективном состоянии; а я утверждаю, что не только в спокойном, но удивительно спокойном. В этом нас убеждает осмотр прибранной комнаты, где совершено преступление и где Елагин оставался еще долго после него. Затем — показание свидетеля Ярошенко, видевшего, с каким спокойствием вышел Елагин из квартиры на Староградской и как тщательно, не торопясь, запер он ее на ключ. И, наконец, — поведение Елагина у ротмистра Лихарева. Что, например, сказал Елагин корнету Севскому, который убеждал его «опомниться», вспомнить, не застрелилась ли

Сосновская сама? Он сказал: «Нет, брат, я все отлично помню!» — и тут же описал, как именно он произвел выстрел. Свидетеля Будберга «даже неприятно поразил Елагин — он, после своего признания, хладнокровно пил чай». А свидетель Фохт был поражен еще более: «Господин штаб-ротмистр, — иронически сказал ему Елагин, — я надеюсь, что вы сегодня уволите меня от учения. — Это было так страшно, — говорит Фохт, — что корнет Севский не выдержал и зарыдал...» Правда, была минута, когда зарыдал и Елагин: это когда ротмистр вернулся от командира полка, к которому он ходил за приказаниями насчет Елагина, и когда Елагин понял по лицам Лихарева и Фохта, что он, в сущности, больше уже не офицер. Вот в это-то время он и зарыдал, — закончил прокурор, — только в это время!

Конечно, последняя фраза опять очень странна. Кому неизвестно, как часто происходит подобное внезапное пробуждение от столбняка в горе, в несчастьи даже от чего-нибудь совершенно незначительного, от чего-нибудь случайно попавшегося на глаза и вдруг напомнившего человеку всю его прежнюю, счастливую жизнь и всю безнадежность, весь ужас его теперешнего положения? А ведь Елагину напомнило все это вовсе не что-нибудь незначительное, случайное. Ведь он как бы и родился офицером, — десять поколений его предков служили. И вот он уж не офицер. И мало того, что не офицер, — не офицер он потому, что нет уже в мире той, которую он любил истинно больше своей жизни, и он сам, сам сделал это чудовищное дело!

Впрочем, это тоже только подробности. Главное же то, что «короткого безумия» действительно не было. Но тогда что же было? Прокурор признал, что «в этом темном деле все должно быть прежде всего сведено к обсуждению характеров Елагина и Сосновской и к выяснению их отношений». И он твердо заявил:

— Сошлись две личности, ничего общего между собой не имеющие...

VII

В большом противоречии с общим низким мнением об Елагине стояли и показания многих его полковых товарищей. Все они отзывались о нем самым

лучшим образом. Вот каково, например, было мнение о нем эскадронного командира:

— Вступив в полк, Елагин замечательно хорошо поставил себя среди офицеров и всегда был чрезвычайно добр, заботлив, справедлив и к нижним чинам. Характер его, по-моему, отличался только одним: неровностью, которая выражалась, однако, не в чем-нибудь неприятном, а только в частых и быстрых переходах от веселости к меланхолии, от разговорчивости к молчаливости, от уверенности в себе к безнадежности насчет своих достоинств и вообще всей своей судьбы...

Затем — мнение ротмистра Лихарева:

— Елагин всегда был добрым и хорошим товарищем, только со странностями: то бывал он скромн и застенчиво скрытен, то впадал как бы в некоторую бесшабашность, браваду... После того, как он пришел ко мне с признанием в убийстве Сосновской и Севский с Кошицем поскакали на Староградскую, он то страстно плакал, то едко и буйно смеялся, а когда его арестовали и везли в заключение, с дикой улыбкой советовался с нами, у какого портного заказать себе штатское платье...

Затем — графа Кошица:

— Елагин был человек в общем нрава веселого и нежного, нервный, впечатлительный, склонный даже к восторженности. Особенно действовали на него театр и музыка, часто доводившая его до слез; да он и сам был необыкновенно способен к музыке, он играл чуть не на всех инструментах...

Приблизительно то же сказали и все прочие свидетели:

— На товарищеских пирушках чаще всего бывал весел и как-то мило надоедлив, шампанского требовал больше всех и угощал им кого попало... Вступив в связь с Сосновской, чувства к которой он всегда чрезвычайно старался скрыть от всех, очень изменился: часто бывал задумчив, печален, говорил, что утверждаетя в намерении покончить с собой...

Таковы сведения об Елагине, исходившие от лиц, живших с ним в наибольшей близости. Откуда же, думал я, сидя на суде, взял прокурор столь

черные краски для его портрета? Или у него есть сведения какие-нибудь другие? Нет, у него их нет. И остается предположить, что к этим черным краскам побудили его общие представления о «золотой молодежи» и то, что он узнал из единственного имевшегося в распоряжении суда письма Елагина к одному своему другу в Кишинев. Тут Елагин с большой развязностью говорил о своей жизни:

— Дошел я, брат, до какого-то безразличия: все, все равно! Нынче хорошо, ну, и слава богу, а что завтра будет — наплевать, утро вечера мудренее. Добился я репутации славной: первый пьяница и дурак чуть ли не во всем городе...

Полностью же оно было таково:

— Дорогой Сергей. Письмо твое получил и хотя поздно отвечаю, но что ж делать? Наверное, ты, читая мое письмо, будешь думать: «Вот каракули, точно муха, попавшая в чернила, напознала!» Ну, что ж, почерк, как говорят, есть если не зеркало, то до известной степени выражение характера. Я все тот же лоботряс, как и был, а если хочешь, даже хуже, так как два года самостоятельной жизни и еще кое-что наложили свою печать. Есть, брат, кое-что, чего и сам Соломон премудрый не выразит! А потому не удивляйся, если в один прекрасный день узнаешь, что я себя тарарахнул. Я дошел, брат, до какого-то безразличия: все, все равно! Нынче хорошо, ну, и слава богу, а что завтра будет, наплевать, утро вечера мудренее. Добился я репутации славной: первый пьяница и дурак чуть ли не во всем городе. А, вместе с тем, поверишь ли? Чувствую иногда в душе такую силу и муку и влечение ко всему хорошему, высокому, вообще, черт его знает, к чему, что грудь ломит. Ты скажешь, что это еще юность: так отчего же мои сверстники ничего подобного не ощущают? Я стал страшно нервный: иногда зимой, ночью, в метель, в холод, вскочив с постели, летаю верхом по улицам, изумляя даже городских, которые привыкли ничему не удивляться, — и заметь, вполне трезвый и не с перепоя. Хочу схватить какой-то неуловимый мотив, который как будто где-то слышал, а его все нет и нет! Что ж, тебе-то признаюсь: я влюбился и совсем,

совсем не в такую, какими полон весь город... Впрочем, довольно об этом. Пиши мне, пожалуйста, адрес ты мой знаешь. Помнишь, как ты говорил? «Россия, корнету Елагину...»

VIII

Сосновская была чистокровная полька. Была старше Елагина, — ей было двадцать восемь лет. Училась она, кстати сказать, очень хорошо и в свободное время много читала. И, читая, порою выписывала из книг мысли и изречения, ей нравившиеся, — конечно, как всегда в подобных случаях бывает, так или иначе связывая их с собою, — и вообще делала некоторые заметки, вела нечто вроде дневника, если только можно назвать дневником клочки бумаги, до которых она не дотрагивалась иногда по целым месяцам и на которые беспорядочно изливала свои мечты и взгляды на жизнь, а то просто заносила счета прачки, портнихи и прочее в этом роде. Что же именно выписывала она?

— Свет скучен, смертельно скучен, а душа моя стремится к чему-то необыкновенному...

— Нет, я никогда не выйду замуж. Это все говорят. Но я клянусь в том богом и смертью...

— Только любовь или смерть. — Но где же во вселенной найдется такой, чтобы я полюбила? Такого нет, не может быть! А как же умереть, когда я, как бесноватая, люблю жизнь?

— Страшнее, привлекательней и загадочней любви нет ничего ни на небе, ни на земле...

— «Кто может похвалиться, что проник в ее душу, когда все усилия ее жизни направлены к сокрытию глубины ее души?» Мюссе.

Восемнадцати лет она уехала во Львов и быстро осуществила свои мечты: и на сцену попала без всяких затруднений, и вскоре выделилась на ней. Вскоре она приобрела известность и среди публики, и в театральном мире настолько серьезную, что на третий год службы получила приглашение в наш город. Однако и во Львове заносила она в свою записную книжечку приблизительно то же, что и раньше:

— Если бы не мать, я убила бы себя. Это мое постоянное желание...

— Когда я выеду куда-нибудь за город, увижу небо, такое прекрасное и бездонное, я не знаю, что тогда со мной происходит. Если бы не мать, я убила бы себя. Это мое постоянное желание

— Я выберу себе прекрасную смерть. Я найму маленькую комнату, велю обить ее траурной материей. Музыка должна играть за стеной, а я лягу в скромном белом платье и окружу себя бесчисленными цветами, запах которых и убьет меня. О, как это будет дивно!

И дальше:

— Все, все требуют моего тела, а не души...

— Если бы я была богата, я объехала бы весь свет и любила бы по всему земному шару...

И, наконец:

— Негодяй!

Кто был этот негодяй, сделавший, конечно, то, о чем так не трудно догадаться? Известно только то, что он был и не мог не быть.

И вот явился «негодяй». Это был какой-то галицийский помещик, человек чрезвычайно богатый. О нем говорил свидетель Вольский, знавший Сосновскую с детства:

— Я всегда считал Сосновскую женщиной очень низкого нравственного уровня. Она не умела держать себя, как надо артистке и обывательнице нашего края. Она любила только деньги, деньги и мужчин. Цинично, как она еще почти девочкой продала себя старому кабану галицийскому!

Именно об этом «кабане» рассказывала Сосновская Елагину в своей предсмертной беседе. Тут она, роняя слова, жаловалась ему:

— Я росла одиноко, за мной никто не смотрел. Я была в своей семье, да и во всем мире, всем чужая... Одна женщина, — да будет проклято ее потомство! — развращала меня, доверчивую, чистую девочку... А во Львове я искренне полюбила одного человека, как отца, который оказался такой негодяй, такой негодяй, что я вспомнить не могу о нем без ужаса!

IX

— Еще во Львове, — говорил свидетель Мешков, — многим предлагала она умереть за одну ночь с ней и все твердила, что ищет сердце, способное любить. Она очень настойчиво искала это любящее сердце. А сама постоянно говорила: «Моя главная цель — жить и пользоваться жизнью». И так она и поступала, — говорил Мешков. — Совсем не уверен, все ли вина она пробовала, но знаю, что окружила она себя огромным количеством их. Впрочем, может быть, и это делала она главным образом для того, чтобы создавать вокруг себя шум, приобретать себе клакеров для театра. «Деньги, — говорила она, — пустяки. Я жадна, порою скупа, как последняя мещанка, но как-то не думаю о деньгах. Главное — слава, все остальное будет». И о смерти она, по-моему, постоянно толковала тоже только с этой целью: заставить говорить о себе...

То же самое, что и во Львове, продолжалось и в нашем городе. И почти такие же писались заметки:

— Боже, какая тоска, какое томление! Хоть бы землетрясение, затмение случилось!

— Вчера я была на кладбище в десять часов вечера. Какое тяжелое зрелище! Луна обливала лучами надгробные камни и кресты. Мне казалось, что я окружена тысячами мертвецов. Я же чувствовала себя такой счастливой, радостной! Мне было очень хорошо...

А познакомившись с Елагиным и узнав от него однажды, что в полку умер вахмистр, она потребовала, чтобы Елагин свез ее в часовню, где лежал покойник, и записала, что вид часовни и покойника при свете луны произвел на нее «потрясающе-восторженное впечатление».

Она умела пользоваться своей красотой. Дома она носила восточные и греческие одежды, в которых и принимала своих многочисленных гостей, одну из своих комнат отвела, как она выражалась, специально для самоубийства, — там были и револьверы, и кинжалы, и сабли в виде серпов и винтов, и склянки со всевозможными ядами, — а постоянным и любимейшим

предметом разговоров сделала смерть. Но мало того: часто, беседуя о всяческих способах лишиться себя жизни, она вдруг хватала со стены заряженный револьвер, взводила курок, приставляла дуло к своему виску и говорила: «Скорее, поцелуйте меня, или я сию минуту выстрелю!» — а не то брала в рот пилюлю со стрихнином и заявляла, что, если гость тотчас же не упадет на колени и не поцелует ее босую ногу, она проглотит эту пилюлю. И все это она делала и говорила так, что гость бледнел от страха и уходил вдвойне очарованный ею, по всему городу разнося о ней именно те, всех волнующие, слухи, которых она так хотела...

— Вообще она сама собой почти никогда не бывала, — говорил на суде свидетель Залесский, очень близко и долго ее знавший. — Играть, дразнить — это было ее постоянное занятие. Довести человека до бешенства нежными загадочными взглядами, многозначительными улыбками или грустным вздохом незащитного ребенка — на это она была великая мастерица. Так вела она себя и с Елагиным. Она то распалила его, то обдавала холодной водой... Хотела ли она умереть? Но она плотоядно любила жизнь, смерти боялась необыкновенно. Вообще было в ее натуре очень много жизнерадостности и веселости.

Впрочем, тот же Залесский рассказывал о том, что она страдала припадками тоски, отчаяния. Врач Серошевский, знавший ее десять лет и лечивший ее еще до ее отъезда во Львов, — у нее начиналась тогда чахотка, — тоже показал, что в последнее время она мучилась сильным нервным расстройством, потерей памяти и галлюцинациями, так что он боялся за ее умственные способности. От этого же расстройства лечил ее и врач Шумахер, которого она все уверяла, что не умрет своей смертью. А врач Недзельский дал такое показание:

— Странная была женщина! Когда у нее бывали гости, она чаще всего была очень весела, кокетлива; но случалось — вдруг ни с того ни с сего умолкнет, закатит глаза, уронит голову на стол... а не то начнет бросать, бить

об пол стаканы, рюмки... В этих случаях всегда надо было поспешить попросить ее: ну, еще, еще, — и она тотчас же прекращала это занятие.

Х

Я, говорю, познакомился с ней в феврале прошлого года, в театре, возле кассы. Я сделал ей визит, но до октября я бывал у нее не чаще двух раз в месяц и то всегда днем. В октябре я признался ей в своей любви, и она позволила мне поцеловать ее. По мере того, как мы сближались, я смелел, начал говорить ей о своей любви все чаще, говорил, что чувствую, что гибну... уж хотя бы по одному тому, что отец никогда не позволит мне жениться на ней, что жить ей со мной без брака невозможно, как артистке, которой польское общество никогда не простило бы открытую незаконную связь с русским офицером. И она тоже жаловалась на свою судьбу, на свою странную душу, от ответа же на мои признания, на мой безмолвный вопрос, любит ли она меня, уклонялась, давая как будто мне некоторую надежду этими жалобами и их интимностью...

Потом, с января нынешнего года, я стал бывать у нее каждый день.

В начале мая, когда однажды я ужинал у нее, она достала опий в порошке и сказала: «Как легко умереть! Стоит только подсыпать немного, и готово!» И, высыпав порошок в бокал с шампанским, поднесла бокал ко рту. Я вырвал его у нее из рук, выплеснул вино в камин, а бокал разбил о шпору. На другой день она сказала мне: «Вместо трагедии вчера вышла комедия!» И прибавила: «Что ж мне делать, сама я не решаюсь, ты тоже не можешь, не смеешь... Какой позор!»

И после этого мы стали видеться реже: она сказала, что принимать меня у себя по вечерам больше не может. Почему? Я сходил с ума, мучился ужасно. Но, кроме того, она изменилась ко мне, стала холодна и насмешлива, принимала меня иногда так, точно мы были едва знакомы, и все издевалась над отсутствием у меня характера... И вдруг опять все изменилось. Она стала заезжать за мной для прогулок, стала заигрывать со мной, — может быть, потому, что и я начал усваивать себе холодную сдержанность в обращении с нею... Наконец, она сказала, чтобы я нанял отдельную квартиру для наших

свиданий, но такую, чтобы она была на глухой улице, в каком-нибудь сумрачном, старом доме, была бы совершенно темной и отделана так, как она мне прикажет... Вы знаете, как именно была убрана эта квартира...

И вот, шестнадцатого июня я зашел к ней в четыре часа и сказал, что квартира готова, и передал ей один из ключей. Она улыбнулась и, возвращая мне ключ, ответила: «Поговорим об этом после». В то время раздался звонок, пришел некто Шкляревич. Я поспешно спрятал ключ в карман и заговорил о пустяках. Когда же мы уходили вместе со Шкляревичем, она в прихожей громко сказала ему: «Приходите в понедельник», — мне же шепнула: «Приходи завтра, в четыре», — и шепнула так, что у меня закружилась голова...

ХІІІ

— В понедельник восемнадцатого июня я послал ей записку, что свободен с двенадцати часов дня. Она ответила: «В шесть, на Староградской».

В шесть без четверти я был на месте и привез с собой закусок, две бутылки шампанского, две бутылки портеру, два стаканчика и флакон с одеколоном. Но ждать пришлось долго: она приехала только в семь...

Войдя, она рассеянно поцеловала меня, прошла во вторую комнату и бросила сверток, который привезла с собой, на диван. — «Выйди, — сказала она мне по-французски, — я хочу раздеться». Она долго не звала меня, не знаю, что она делала. За дверью было совершенно тихо. Наконец она крикнула: «Иди, теперь можно...»

Она лежала на диване, в одном пеньюаре, с голыми ногами, без чулок и без туфель, и молчала, исподлобья глядя в потолок, на фонарь. Сверток, с которым она приехала, был развернут, и я увидел свой револьвер. Я спросил: «А это ты зачем привезла?» Она ответила не сразу: «Так... Ведь я уезжаю... Ты лучше держи его здесь, а не дома...» У меня мелькнула страшная мысль: «Нет, это неспроста!» — но я ничего не сказал...

И разговор, который начался между нами после этого, шел довольно долго, с принуждением, холодно. Я втайне страшно волновался, — все хотел

сообразить что-то, все ждал, что вот-вот я соберусь с мыслями и скажу ей, наконец, что-то важное и решительное, — ведь я понимал, что это, может быть, последнее наше свидание или, во всяком случае, разлука надолго, — и все ничего не мог, чувствовал свое полное бессилие. Мы в несколько минут выпили всю бутылку, я сел возле нее и стал целовать ее руки, говоря, что я не переживу ее отъезда. Она ерошила мне волосы и рассеянно говорила: «Да, да... Какое несчастье, что я не могу быть твоей женой... Всё и все против нас, только, может, один бог за нас... Я люблю твою душу, люблю твою фантазию...» Что она хотела выразить этим последним словом, я не знаю.

Через некоторое время я взглянул на часы, был уже второй час. «Ой, как поздно, — сказала она. — Надо сию же минуту ехать домой». Однако она даже не приподнялась и прибавила: «Знаешь, я чувствую, что нужно уезжать как можно скорее, а не могу двинуться с места. Я чувствую, что не выйду отсюда. Ты мой рок, моя судьба, божья воля...» И этого я не мог понять. Вероятно, она хотела сказать что-то общее с тем, что написала потом: «Умираю не по своей воле». Вы думаете, что она этой фразой выразила свою беззащитность передо мной. А по-моему, она хотела сказать другое: что наша несчастная встреча с ней — рок, божья воля, что она умирает не по своей, а по божьей воле. Впрочем, я не придавал тогда особого значения ее словам, я давно привык к ее странностям. Потом она внезапно сказала: «Есть у тебя карандаш?» Я опять был удивлен: зачем ей карандаш? Однако поспешил подать, — он был у меня в записной книжечке. Она попросила дать ей еще визитную карточку. Когда она стала что-то писать на ней, я сказал: «Но послушай, неудобно на моей визитной карточке писать записки». — «Нет, это так, заметки для себя, — ответила она. — Оставь меня подумать и подремать». — И, положив исписанную карточку себе на грудь, закрыла глаза. Стало так тихо, что я впал в какое-то оцепенение...

Так прошло, должно быть, не меньше получаса. Вдруг она открыла глаза и холодно сказала: «Я забыла, — я пришла возвратить тебе твое кольцо. Ты сам хотел вчера все кончить». И, приподнявшись, бросила кольцо на выступ

стены. «Разве ты меня любишь? — почти крикнула она. — Не понимаю, как ты можешь спокойно предоставлять мне продолжать жить! Я женщина, у меня нет решимости. Я не боюсь смерти, — боюсь страданий, но ты бы мог одним выстрелом покончить со мной, а потом с собой». — И тут я еще больше с страшной ясностью понял весь ужас, безысходность нашего положения, и что оно должно наконец разрешиться чем-нибудь. Но убить ее — нет, я чувствовал, что этого я не могу. Я чувствовал другое: настала решительная минута для меня. Я взял револьвер и взвел курок. «Как? Только себя? — воскликнула она, вскакивая. — Нет, клянусь Иисусом, ни за что!» — и выхватила револьвер у меня из рук...

И опять настало это мучительное молчание. Я сидел, она лежала, не двигаясь. И вдруг невнятно, про себя, сказала что-то по-польски и затем ко мне: «Дай сюда мое кольцо». Я подал. «И свое!» — сказала она. Я поспешил исполнить и это. Она надела на палец свое, а мне приказала надеть мое и заговорила: «Я тебя всегда любила и сейчас люблю. Я тебя свела с ума и замучила, но уж таков мой характер и такова наша судьба. Дай мне мою юбку и принеси портеру...» Я подал ей юбку и пошел за портером, а когда вернулся, увидел, что возле нее стоит скляночка с опиумом. «Слушай, — сказала она твердо. — Теперь уже конец комедиям. Ты можешь жить без меня?» Я ответил, что нет. — «Да, — сказала она, — я взяла всю твою душу, все твои мысли. Ты не поколеблешься убить себя? А если так, возьми и меня с собой. Мне без тебя тоже не жить. И, убивши меня, ты умрешь с сознанием, что я наконец уже вся твоя — и навеки. А теперь слушай мою жизнь...» И она опять легла и, помолчав минуту и успокоившись, не спеша стала мне рассказывать всю свою жизнь с самого детства... Я почти ничего не помню из этого рассказа...

XIV

— Не помню и того, кто из нас стал раньше писать... Я переломил карандашик пополам... Мы стали писать и писали все время молча.

Вдруг она сказала: «Довольно. И уж если делать, так скорее. Дай же мне портеру, благослови, мать божия!» Она же заметалась и, хватая меня за руки, стала просить: «А теперь убей, убей меня! Убей ради нашей любви!»

Как именно я сделал это? Я, кажется, обнял ее левой рукой, — да, конечно, левой — и прильнул к ее губам. Она говорила: «Прощай, прощай... Или нет: здравствуй, и теперь уже навсегда... Если не удалось здесь, то там, наверху...» Я прижался к ней и держал палец на спуске револьвера... Помню, я чувствовал, как дергалось все мое тело... А потом как-то сам собой дернулся палец...»

В котором часу это было? Думаю, что в три. Что я делал после того еще два часа? Но я с час шел до Лихарева. А остальное время я сидел возле нее, потом зачем-то приводил все в порядок...

Почему я не застрелился сам? Но я как-то забыл об этом. Когда я увидел ее мертвой, я забыл все в мире. Я сидел и только смотрел на нее. Потом, в таком же диком бессознании, стал прибираться ее и комнату... Я не мог бы не сдержать слова, которое я дал ей, что после нее я убью себя, но мной овладело полное безразличие... Так же безразлично отношусь я и теперь к тому, что живу. Но я не могу примириться с тем, что думают, будто я палач. Нет, нет! Может быть, я виноват перед людским законом, виноват перед богом, но не перед ней!